

ISSN 2303-9744

Научный журнал

**«Вестник по педагогике
и психологии
Южной Сибири»**

— • —

Специальный выпуск

"PEM: Psychology. Educology. Medicine"

№ 1.sr. - 2014

Спецвыпуск «PEM: Psychology. Educology. Medicine» [ПЭМ: Психология. Эдукология. Медицина] является приложением к научному журналу «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» и является научно-практическим изданием.
ISSN 2303-9744 • Bulletin on pedagogics and psychology of Southern Siberia • scientific journal.

П97

Приложение к журналу выходит с 03 окт. 2013.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации **ЭЛ № ФС 77-56160 от 15.11.2013.**

Периодичность – до 4 номеров в год. Открытый доступ.

Электронная версия журнала (scientific e-journal) на издательской платформе RAE Editorial System

URL: <http://esrae.ru/list/> в свободном доступе по адресу:

URL: <http://pem.esrae.ru/> и <http://bulletinppfdc.1gb.ru/>

Л.Ф. Чупров (гл. редактор), К.Г. Языков (зам. гл. редактора)

Редакционная коллегия

М.В. Воропаев, В.Г. Морогин, Т. Попов, Н.В. Родина,

Е.К. Янакиева

Ответственный секретарь А.С.Щукин.

Выпускающие редакторы А.А. Кроник, Л.Ф. Чупров, 2013.

Адрес редакции:

655158 Россия, Хакасия, г. Черногорск,

ул. Калинина, дом 15, кв. 67.

Для авторов Ichpr@ Rambler.ru (главный редактор журнала),

OtvetSec@ya.ru (ответственный секретарь журнала).

Подписано в печать 30.12.2013 (Online)

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

© Авторы сообщений, 2013.

© А.А. Кроник, Л.Ф. Чупров (составители), 2013.

Запрещается перепечатка статей без разрешения редакции.

При использовании материала ссылка на журнал обязательна.

Журнал зарегистрирован в системе электронного нотариата (www.copytrust.ru) 05.11.2012 г.

Регистрационный номер - 07N-4S-SH.

ОБ ЭТОМ НОМЕРЕ СПЕЦВЫПУСКА ЖУРНАЛА (вступительное слово главного редактора)

Предлагаемый вниманию читателя специальный выпуск научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» является как завершающим 2013 год, так и открывающим издания материалов научных конференций, проводимых журналом в 2014 году¹.

За прошедший год в развитии журнала было сделано ряд шагов. В частности, были проведены две научные конференции, одна из которых – с участием Медико-психолого-социального института ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Расширилась география его участников и журнал приобрел приложение.

На данный момент, после регистрации сетевой версии (Свидетельство Эл № ФС 77 – 56160 от 15.11.2013), журнал имеет полное название: «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. Электронный научный журнал с порталом международных научно-практических конференций: "PEM: Psychology. Educology. Medicine"».

В предлагаемом специальном выпуске предложены материалы Международной заочной научной конференции:

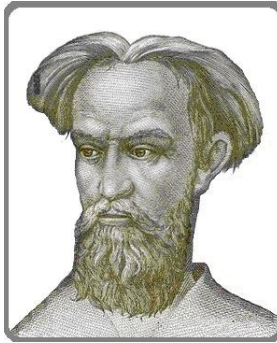
Psychologia

500 ЛЕТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ "ПСИХОЛОГИЯ" В ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВЕ, НАУКЕ И ПРАКТИКЕ по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic

¹ Все материалы имеют знак © 2013 г., поскольку часть материала данной конференции вошла в №4 (2013) журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири».

**Сборник материалов международной
научной (заочной) конференции:**

**«500 ЛЕТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ
"ПСИХОЛОГИЯ" В ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВЕ,
НАУКЕ И ПРАКТИКЕ по факту первого
упоминания этого понятия в библиографии
работ Marko Marulic»**

Оргкомитет конференции

Галина Вержибок, кандидат психологических наук (Минск, Беларусь)

Евгений Головаха, доктор философских наук (Киев, Украина)

Александр Кроник, доктор психологических наук (Бэффесда, США)

Наталья Родина, доктор психологических наук (Одесса, Украина)

Леонид Чупров, кандидат психологических наук (Черногорск, Россия)

УДК: 15.01.13

П99

Рецензенты:

Васютинский Вадим Александрович, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии масс и сообществ, Института социальной и политической психологии Национальной академии педагогических наук Украины (*Киев, Украина*).

Морогин Владимир Григорьевич, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия).

П99

500 лет использования понятия «Психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic): материалы Международной (заочной) научной конференции (Черногорск, 12 января 2014 года) / под ред. А.А. Кроника, Л.Ф. Чупрова. //«Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири». Приложение: «PEM: Psychology. Educology. Medicine». – 2014. - № 1. – 134 с.

В сборнике представлены материалы организованной научным журналом «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» совместно с Институтом каузометрии LifeLook.Net научной конференции, посвященной 500-т летию использования понятия «Психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic). Эта первая «юбилейная конференция» по истории психологии привлекла внимание плеяды исследователей из России, Беларуси, Украины, США, материалы которых (статьи и краткие сообщения) и составили основу данного сборника.

СОДЕРЖАНИЕ

Кроник А.А., Чупров Л.Ф. Уважаемые читатели, дорогие коллеги..8

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

К истории понятий

Кроник А.А. 500 лет названию ... Психология: мысли по поводу и мини-опрос	9
Насиновская Е.А., Шмелёв А.Г., Чупров Л.Ф., Кроник А.А., Тукачёв Ю.А. Фрагменты обсуждения сообщения А.А.Кроника в Экспертном Интернет-Сообществе Психологов	13
Рыбалка В.В. К вопросу об уточнении значения категории «психология»	18

К истории проблем

Батыршина А.Р. Периодизация отечественной истории психологии воли: принципы и критерии построения.....	22
Вержибок Г.В. Наследие И.С. Кона: дифференциация и многообразие гендерных отношений	27
Данилов Ю.С., Белобрыкина О.А. Сущность психологического механизма мотивации по В. Г. Леонтьеву	33
Сильченко И.В. Исторические аспекты проблемы осознания и переживания внутригрупповых взаимоотношений в отечественной психологической науке.....	39
Чагова М.А. История и современное развитие проблемы толерантности к неопределенности в психологической науке	45

К истории методов

Родина Н.В. Рисуночный тест Вартегга. История создания и развития метода.....	56
Сабанин П.В., Чупров Л.Ф. Стандартизованной методике (тесту)	

Е.Ф. Замбацявичене 30 лет.....	64
Стоюхина Н.Ю. Методы исследования эффективности воздействия рекламы и плаката в советской психотехнике.....	72

***Психология на распутье:
конструктивизм, теология, философия науки***

Головаха Е.И., Кроник А.А. Концепция психологического времени и принципы конструктивной психологии (от интроспективной реконструкции к конструированию знания).....	86
Зеличенко А.И. Психотеология: попытка неклассической интерпретации библейских текстов.....	90
Мазилов В.А. Обретшая свое имя. Перспективы психологии. Размышления во время юбилея.....	111

Научный архив

Кроник А.А. У истоков психологии (1986, 1987).....	117
---	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ или ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА	123
---	-----

Авторы / AUTHORS	124 / 127
-------------------------------	-----------

ABSTRACTS	129
------------------------	-----

TABLE OF CONTENTS	131
--------------------------------	-----

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ, ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ!

Предыстория нашей конференции начата с интернет-обсуждения темы «500 лет названию ... ПСИХОЛОГИЯ: мысли по поводу» и мини-опрос в Экспертном Сообществе Психологов, апрель-декабрь 2013 года. В качестве введения в сборник материалов представлено самое первое сообщение этого обсуждения. Мы приглашаем вас продолжить обсуждение тематики в личном общении на сайте конференции и на блоге: <http://services1.ht-line.ru/sref.php?3UV5Q9UVUK2DY=226615>

Приглашаем каждого читателя принять также участие и в мини-опросе, который предложен на этом же блоге, как определенный способ отметить 500-летие ответами 500 человек на один лишь вопрос-запрос: во фразе «500 лет названию.... ПСИХОЛОГИЯ» вместо троеточия напишите, пожалуйста, что-то своё, самое подходящее с Вашей точки зрения. С Вашей помощью мы надеемся завершить опрос и сообщить его результаты в юбилейном 2014 году.

Сопредседатели конференции *А.А.Кроник, Л.Ф.Чупров*

© *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.*

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

— • —

К истории понятий

УДК: 159.9

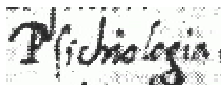
500 ЛЕТ НАЗВАНИЮ ... ПСИХОЛОГИЯ: МЫСЛИ ПО ПОВОДУ И МИНИ-ОПРОС

А.А. Кроник. Институт каузометрии LifeLook.Net (Бефесда, США),
e-mail: Doctors@lifelook.net

Кто ввёл термин психология?

С первого курса я думал, что это был Ян Прохазка в Польше средних веков – так говорила, помнится, на своих вдохновенных лекциях в Киевском университете проф. Л.И. Марисова, вдохновлённая Ананьевым и вдохновляющая нас, студентов-психологов, в начале 1970-х. Но никаких других источников о нём я, увы, не имел и в интернете ничего о нём не нашёл.

Зато обнаружил имя Марко Марулич – Marko Marulic, 1450-1524 [1]. Марулич написал труд, *Psichologia de ratione animae humanae* [2], и считается первым, кто ввёл термин “психология” в таком написании [3]:

Труд этот не сохранился, но его название имеется в рукописной библиографии 18 работ Марулича, которую составил его младший друг-современник Франжио Бозичевич-Наталич (Franjo Bozicevic-Natalic, 1469-1542, годы жизни указаны по [4]). Обо всём об этом можно подробнее почитать в статье: К.Krstic. *Marko Marulic – The Author of the Term “Psychology”* [5].

В библиографии Марулича труд *Psichiologia de ratione animae humanae* упоминается между названиями двух других рукописей: *On the Kings of Dalmatia* (1510 год) и *Davidias* (1506-1517?). Эти даты указаны на сайте Marulianum [6]. Там же, в хронологии жизни и работ Марко Марулича [7], работа *Psichiologia de ratione animae humanae* (*Psychology, On the Nature of the Human soul*) датируется годами 1510-17. Если всё это так, то "наш труд" был создан, вероятнее всего, между 1510 и 1517 годами. Юбилейные именины либо "скоро" грядут, либо "сейчас" отмечаются, либо "недавно" незамеченными оказались: 500 лет нынешнему имени нашей науки (у нее, конечно, и другие имена были и, возможно, другие будут, но сегодня это "наука о душе").

Надежда всегда есть, что "рукописи не горят" и труд Марулича найдётся, о чем пишет K. Krstic в своей статье: "The work "Psichiologia" is known so far only from Bozicevic's list but the possibility of its being found in manuscript or even in printed form some day cannot be excluded." ("Работа "Психология" известна пока только из списка Бозичевича, но возможность её обнаружения когда-нибудь в рукописи или даже в напечатанной форме не может быть исключена"). Думаю, что вероятность этой находки станет намного выше, если мы объявим уже сейчас 500-летие нашего союза под именем "психология".

Чсть изобретения слова "психология" принадлежит ему - Marko Marulic, о чем уверенно пишет H. Vande Kemp в журнале "American Psychologist" 1980 года [8] и, с некоторыми сомнениями, Fernando Vidal в своей книге 2006-11 годов "The sciences of the soul: the early modern origins of psychology" [9].

Так что, благодаря Маруличу, у слова "психология" первое пятистолетие! А в качестве "формально-юбилейного" наиболее подходящим, на мой взгляд, является именно этот год: 2014-й.

Мини-опрос

Приглашаю каждого читателя принять участие в одно-минутном интернет-опросе [10] и отметить 500-летие ответами 500 человек на один вопрос: "Во фразе *500 лет названию ... ПСИХОЛОГИЯ* вместо троеточия напишите, пожалуйста, что-то своё,

самое подходящее с Вашей точки зрения."

К 10 января 2014 года своими представлениями о том, что же такое "психология", поделись 24 человека (включая автора) - соавторы, коллеги по Экспертному Интернет-Сообществу Психологов, некоторые участники конференции и другие. Спасибо всем вам, первые откликнувшиеся: Шмелев А.Г., Чупров Л.Ф., Насиновская Е.Е., Белобрыкина О.А., Исмагилова Ф.И., Еремеев Б.А., Шаманская Т.Б., Давыдов Д.Г., Фотекова Т.А., Балакирева Г.В., Коняева А.П., Родина Н.В., Головаха Е.И., Попова О.С., Ортонова В.Б., Тукачев Ю.А., Морогин В.Г., Ахмеров Р.А., Аникеев-Аткарский В., Сергеева А.В., Кутеева Е.Н., Сараева Н.В.

Всего получено 36 ответов. Число "36" - это, одновременно, каузометрическая константа, которая определяет границы круга значимых событий. А каждый ваш ответ, коллеги, для меня, как автора мини-опроса, это своего рода событие: 36-м стало понимание психологии как "гипотезы". Что ж, может следующих 500 лет будет достаточно для проверки этой гипотезы?

С самых разных точек зрения всех 24-х ответивших, "психология" - это: наука того или иного вида (12), понятие или термин (6), система знания или область познания (4), искусство того или иного вида (3), гипотеза (1), иллюзия (1), картина мира на планете (1), мера чрезвычайной ответственности (1), призвание (1), проект (1), профессия (1), целая эпоха (1). Плюс 3 уникальных ответа, после одного из которых название данной статьи выглядело бы так: "500 лет названию, но нет в тебе Души, Самости, а одни лишь личности, т.е. социально типичное, ПСИХОЛОГИЯ". К счастью, своя Душа и своё мнение есть у каждого из нас.

Автор надеется завершить опрос в этом, юбилейном году.

Литература:

1. Марулич, Марко - словарная статья:
http://ru.wikipedia.org/wiki/Марулич,_Марко

2. Marulic, Marko. Psychiologia de ratione animae humanae. 1510-17 гг.

3. Zubrinic, D. Croatian Humanists, Ecumenists, Latinists, and Encyclopaedists. См. гиперссылку:

<http://www.croatianhistory.net/etf/lat.html#maru>

4. Jovanović, Neven. Vita Marci Maruli Spalatensis per Franciscum Natalem concivem suum composita (Životopis Marka Marulića Splićanina, sastavio njegov sugrađanin Frano Natalis) // Leksikon hrvatske književnosti – Djela, 2007. См. гиперссылку: <https://bib.irb.hr/prikazi-rad?lang=EN&rad=287891>

5. Krstic, K. Marko Marulic - The Author of the Term "Psychology". // Acta Instituti Psychologici Universitatis Zagrabienensis, 1964, No. 36, pp. 7-13. См. гиперссылку: <http://psychclassics.yorku.ca/Krstic/marulic.htm>

6. Marko Marulich. См. гиперссылку: http://www.knjizevni-krug.hr/marulianum/mm_index.asp

7. Chronology of the life and works of Marko Marulic. См. гиперссылку: http://www.knjizevni-krug.hr/marulianum/mm_chronology.asp

8. Kemp, H.V. Origin and evolution of the term Psychology: Addenda. // American Psychologist, 1980, 35(8), p. 774. См. гиперссылку: <http://atapple.com/cogpsy/background/origin-cognitive-psychology>

9. Vidal, F. The sciences of the soul: the early modern origins of psychology. Chicago: University of Chicago Press, 2011, p. 25. (Перевод с первого издания на французском языке, 2006.)

10. Кроник А.А. Мини-опрос “500 лет названию ... Психология”. М.: HR-Лаборатория "Гуманитарные Технологии", 2013. См. гиперссылку: <http://services1.ht-line.ru/surveys/index.php?page=respond&user=kronik&object=s13042801>

© А.А. Кроник, 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

УДК: 15 (09) (075)

ФРАГМЕНТЫ ОБСУЖДЕНИЯ СООБЩЕНИЯ

А.А. КРОНИКА

«Кто ввёл термин психология?»

от 21 апреля 2013 года

**в Экспертном Интернет-Сообществе Психологов
в рамках темы «500 лет названию ... психология»**

<http://services1.ht-line.ru/sref.php?3UV5Q9UVUK2DY=226615>

***Насиновская – Кронику, 5 ноября 2013: Факт, что поэты
идут впереди, греет душу***

Традиционно, в учебном процессе и при обучении студентов называется имя немецкого философа и ученого-энциклопедиста 18 века Христиана Вольфа (1679–1754), в работе которого, якобы впервые, появился термин «психология». Эта точка зрения является наиболее распространенной. Одним из учеников Х. Вольфа был М.В. Ломоносов.

Другой точки зрения придерживается ряд историков психологии (А.Н. Ждан, Е.Е. Соколова и др.). По их мнению, авторами этого термина были немецкие схоласты 16 столетия Рудольф Гоклениус и Оттон Касман. Гоклениус ввел в научный оборот термин «психология» в 1590 году. Впоследствии его ученик Касман использовал этот термин в названии своей работы «Psychologia anthropologica» (1594 г.). Он считается первым, кто в современном научном смысле употребил слово «психология», разделив антропологию, т.е. науку о человеке, на две части: психологию и соматологию. В соответствии с датой 1590 года, следовало бы отметить 400-летие психологии в 1990 году. 500-летие будет, соответственно, в отдалённом от нас 2094.

Что касается Марко Марулича (1450–1524), хорватского средневекового поэта и гуманиста, «отца хорватского ренессанса», то, по временному критерию, он «имеет право» на приоритет введения термина «психология». Как Вам известно, его

произведение *Psichologia de ratione animae humanae*, написанное на латинском языке, содержит древнейшую из известных литературных ссылок на термин «психология». Но литературно-художественное описание души еще не означает научную трактовку. Поэтому представляется, что пока упомянутое произведение Марко Марулича не стало известно широкой психологической общественности, вряд ли Марулича признают создателем научного термина «психология». Всё же сам факт, что поэты идут впереди в деле познания человеческой души, греет последнюю.

Шмелёв – Кронику, 6 ноября 2013: Пора готовиться к 2500-летнему юбилею

Кстати... не знаю точно (так как не знаю греческого), каким словом пользовался Аристотель в названии своего знаменитого трактата "О душе", но думаю, что, скорее всего, греческим термином "психе" (греч. ψυχή), а уж термин "логос" в те времена тоже был известен. Так что, дело у товарища Аристотеля оставалось совсем за малым – механически соединить 2 этих слова. Не исключаю, что где-то в других текстах или в устной речи Аристотель это уже сделал. Предлагаю начать готовиться к 2500-летнему юбилею слова ПСИХОЛОГИЯ. Если прямо сейчас начнем, то тогда есть шанс лет через 150 как раз успеть вовремя :)

Чупров – Шмелёву, 6 ноября 2013: Не доживем, думается мне, до этой даты

Всплыл по ассоциации классический анекдот про Хаджу (Моллу) Насреддина.

Помните, он вороненка принес, чтобы убедиться, правда ли люди говорят, что ворон живет 300 лет. Не доживем, думается мне, до этой даты, написания Аристотелем трактата "О душе". Я тут с коллегами посоветовался, и надумали мы, а не отметить ли 500-летие всем ФАНОм назло?!

Научный журнал «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» проводит международную научно-теоретическую

конференцию по истории психологии: «500-летие использования понятия «Психология» (по факту упоминания его Marko Marulic) в науке, литературе и практике».

Кроник – Шмелёву, 6 ноября 2013: 500 сейчас, 2500 попозже

Одно другому не мешает: в этой жизни 500, а в следующей 2500 можно правнукам оставить или тем, кому с реинкарнацией повезет (но нирвана всё же предпочтительнее :). Что касается замечания Л.Ф.Чупрова, то это недоразумение мы уже сняли ссылкой на до-интернетовскую публикацию 1964 года (см. комментарии 12,13). Как известно, я не был большим поклонником календарей и часов, но времена меняются. Для выживания и развития любого сообщества (в том числе, профцеха психологов) временной консенсус важен, единство временных ориентаций существенно. Поэтому, в любом случае, надо договориться хотя бы об условной "дате рождения" и "свидетельстве о рождении" сообщества: хоть на греческом языке, хоть на латыни, хоть на русском, хоть на санскрите, хоть на иврите. Но, поскольку именно название "psychology" стало международным, то есть смысл начать с его 500-летия.

Чупров – Кронику, 6 ноября 2013: Психология как дитя с сединами

На склоне лет меня озарило, что психология, в отличие от иных наук и практик, сразу предстает как родившееся дитя с сединами и старческими морщинами. Сразу, как экспериментальная. А, между тем, у нее богатейший донаучный период, период детства, который столь же ценен для ее развития, как период детства для развития личности. Почему-то основатели научной психологии сразу вырвали новорожденного из пеленок, периода сказок, мифов, преданий и, лишив детства, стали обучать методам матстатистики. Может по этой причине, и смотрят на психологов, как на инопланетян, и больше доверяют всяким колдунам, шаманам, гадалкам, поскольку последние имеют корни в "идеологии детства", а психологи настойчиво "взрослеют"?

Шмелёв – Чупрову, 6 ноября 2013: Длинное детство и метод моделирования

Вполне свежий взгляд (для меня) на историю психологии. Я совсем не специалист в области истории психологии, но "образ длинного детства" меня просто воодушевил. И не потому, что это дает преимущество колдунам. А потому, что "длинное детство" – это то, что требуется более высокоразвитым существам. Так что... будем верить, что в будущем наша наука достигнет высочайшего интеллектуального уровня, ибо лестница к нему вела длинная, многовековая и очень запутанная. А то, что психологии придется использовать далеко не только матстатистику, но и метод моделирования (инженерный способ познания) – я не сомневаюсь. Метод моделирования – это тоже вполне научный метод, соответствующий ключевому критерию воспроизводимости силами независимых исполнителей. Думаю, что хозяин этого блога со мной согласится. Да и с Вами.

Кроник – Чупрову, 6 ноября 2013: О психологии без морщин

Склона лет, бывает, нет; есть подъем, о котором писал Герман Гессе: "все круче поднимаются ступени...". Что касается "психологии без морщин", почитайте мою рецензию "У истоков психологии" на книги В.А. Роменца по истории психологии с античных дней: "Психологический журнал", 1986, том 7, N 4, стр. 150-152. Концепция Роменца – лучшее, что есть! Мне посчастливилось быть его студентом; прочитав рецензию, он пожалел, что я не стал историком психологии. Может, когда-нибудь, "каузометрия психологии" наверстает упущенное.

Кроник – Шмелёву, 7 ноября 2013: Пора переходить в период молодости

Согласен на все 100% с идеей "длинного детства для высокоразвитых существ", в том числе, для психологии в лице ее конкретных представителей. Но, поскольку и такие существа не вечны, из длинного детства пора переходить в творчески-

работоспособный период молодости. 500 лет для этого вполне достаточно :)

Тукачёв – Чупрову, 14 ноября 2013: Самое длинное название

Леонид Федорович, это самое длинное название конференции, которое я когда-либо встречал :) Поддерживаю инициативу...

Участники обсуждения:

© [Кроник] Кроник Александр Александрович – доктор психологических наук, директор Института каузометрии LifeLook.Net (Бефесда, США).

© [Насиновская] Насиновская Елена Евгеньевна - доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Московского государственного университета (Москва, Россия).

© [Тукачев] Тукачев Юрий Александрович - руководитель, психолог-профконсультант. Психологический центр «Точка роста» www.tr-center.ru (Екатеринбург, Россия).

© [Чупров] Чупров Леонид Федорович – кандидат психологических наук, главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Черногорск, Россия).

© [Шмелёв] Шмелев Александр Георгиевич - научный руководитель Лаборатории «Гуманитарные технологии», профессор МГУ (Москва, Россия).

© Институт каузометрии LifeLook.Net, 2013.

© Лаборатория «Гуманитарные технологии», 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири / PEM: Psychology. Educology. Medicine, 2014.

— ● —

К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ ЗНАЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ПСИХОЛОГИЯ»

В.В. Рыбалка. Институт педагогического образования и образования взрослых Национальной академии педагогических наук Украины (*Киев, Украина*), *e-mail: rybalkavv_ps@mail.ru*

Опыт профессионального использования категории «психология» с необходимостью требует уточнения ее значения, что вызывается серьезными, но не учтенными до сих пор данными по этой проблеме. Анализ хрестоматийного утверждения о происхождении этого понятия от греческих слов *psyche* (душа) и *logos* (наука, учение) вызывает все большее сомнение и желание прояснить, дополнить его значение. Традиционная трактовка психологии как науки только о душе, чему способствовали сначала трактат «О душе» Аристотеля, а впоследствии аргументация Ф.Меланхтона, Х.Вольфа, Р.Геккеля (Гоклениуса) и др. мыслителей при введении термина «психология» в научный обиход, уже представляются недостаточными. Вопрос об уточнении значения понятия психологии особенно отчетливо встал после известного утверждения Гегеля, высказанного им в «Философской пропедевтике» – о том, что психология изучает «дух, взятый в соответствии с определением его деятельности внутри себя самой» [3]. Другими словами, психология предстает после этого утверждения классикой, также как наука о духе, хотя Гегель не пояснил, что делать с традиционным представлением о психологии как науке о душе. Мы считаем возможным объединить эти две версии в одну и трактовать психологию как науку о душе и о связанном с ней определенным образом духе. Препятствием для этого могла бы выступить интерпретация понятия «логос» (входящего в состав термина «психо-логия») как обозначающего термин «наука» или «учение». Однако это смысловое противоречие может быть снято, если мы из многочисленных значений слова «логос» (а их около двух десятков) выберем те, которые могут быть объединены в понимании логоса именно как

духа. Иначе говоря, термин «психология» может быть интерпретирован как состоящий как минимум из двух понятий – «душа – дух».

Для последующего уточнения значения понятия «психология», если придерживаться его указанной составной этимологии, важно учесть особенности представления о духе того же Гегеля, который рассматривал его в контексте антропологии, феноменологии и собственно психологии. В этой тройственной сфере познания духа берет свое начало различие и одновременно понимание единства духа, души и тела. Об этом свидетельствуют последующие исследования ученых, но особенно четко это проявилось, на наш взгляд, в работах известного хирурга, философа, педагога, психолога и теолога В.Ф.Войно-Ясенецкого (он же – святитель Лука). В работе В.Ф.Войно-Ясенецкого «Дух, душа и тело» было показано единство этих понятий и с этой точки зрения психология (учитывая также появление как одного из ее важных современных разделов психосоматики) выступает именно как та же наука о душе, то есть одухотворенном, непрерывно одухотворяемом и духопорождающем мозге, являющемся частью тела, то есть, иначе говоря, как наука о душе (или психосоматическом органе тела), оперирующей духом. Если же считать, что мозг имеет развитые центральный и периферический отделы и при этом периферическая нервная система пронизывает весь организм не менее тотально и плотно, чем скажем кровеносная сосудистая (капиллярная) система, то такая трактовка психологии как науки о духе-душе-теле перестает быть фантастической. При этом, мы обращаемся к понятию духа не столько в религиозном, сколько в научном его значении, что предполагает его понимание как совокупности всей продуцируемой и оперируемой душой идеальной субстанции (образы, понятия, представления, символы, эмоции, чувства, смыслы, значения и т.п.), как собственно всех духовных предметов работы души, взятых в пространственно-временном единстве, бесконечности и вечности. К такому пониманию духа приближается уже не только философия, но и современная

психология, педагогика и другие науки.

Для подтверждения этого предположения можно обратиться к отраслевой структуре научной психологии, обозначаемой с помощью иных терминов и подкрепляющей предложенную нами логику понимания термина «психология» в его составных частях. Речь может идти в таком случае, например, о нарративной психологии, психофизиологии, психосоматике. В конце концов такое телесно-душевно-духовное значение термина «психология» может быть принято и на договорной основе в психологическом сообществе, тем более, что указанная выше и пока еще мало разработанная, но очевидная проблема триады «дух-душа-тело» уже интенсивно обсуждается в психологии – и в силу того обстоятельства, что за ней скрывается, на наш взгляд, определенный закон (триады, «Троицы» и т.п.).

По нашим наблюдениям, действие этого закона слишком часто наблюдается в жизни, например, в технике, в педагогике, в психологии. Так, мы считаем возможным в этой связи использовать в качестве некоторой метафоры триады «тело-душа-дух» современный компьютер. Ведь, при известном упрощении, его металлическая, кремниевая, пластиковая конструкция может рассматриваться как «тело», включающее процессор, то есть программируемую («одухотворяемую») определенным логико-математическим алгоритмом (или духом, произведенным ранее совокупным человеческим интеллектом) «душу»; а вырабатываемая этим «процессором-душой» информационная продукция – это «произведенный самим компьютером дух». Понятен при этом опосредованный изоморфизм такой структуры компьютера телесно-душевно-духовной сущности личности человека как его создателя.

Интересной может быть подобная же метафора триады для педагогики, где, упрощенно говоря, растущий организм ребенка с его душой, включающей как основу сложнейшую нейронную, центральную и периферическую, психическую и психологическую индивидуальную организацию, одухотворяемую в процессе обучения и воспитания (самообучения и самовоспитания) целой

системой соответствующих учебных и воспитательных программ (духом этих программ), становится со временем способным уже как личность вырабатывать ту или иную духовную продукцию. Мы отдаем (подчеркнем это снова) себе отчет в намеренном упрощении указанным метафорическим моделированием данного процесса – ради уяснения более точной трактовки понятия психологии. Понятно, что такая постановка проблемы должна и может стать предметом особого исследования.

Интересной, хотя и вызывающей определенное возражение, является буквальная интерпретация последней буквы термина «психо-лог-и-я», как прямого указания на изучение психологической наукой феномена «Я» (Я-телесного, Я-душевного и Я-духовного), в котором определенным образом интегрируются понятия духа, души и тела в предлагаемой гипотетической трактовке. Понятно, что для согласия с таким слишком очевидным и упрощенным утверждением необходимо проведение более обстоятельных историко-психологических, психолингвистических и других исследований, в результате которых, однако, может неожиданно выясниться, что в категории «психология», в рамках предполагаемой нами интерпретации, вероятно, был изначально закодирован важный закон жизни человека, благодаря чему, возможно, наша замечательная наука обладает такой притягательной силой.

Литература:

1. Аверинцев С.С. Софія-Логос. Словник. 3-е видання. – К.: ДУХ і ЛІТЕРА, 2007.- 650 с.
2. Аристотель. О душе / Сочинения в четырех томах. Том 1. Ред. В.Ф.Асмус. – М.: Мысль, 1976. – С. 369-450.
3. Гегель Г.В.Ф. Работы ранних лет. В двух томах. Т.2. Сост., общ. ред. А.В.Гулыги. – М.: Мысль, 1973.- 630 с.
4. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. – Клин: Христианская жизнь, 2007. – 128 с.

© В.В.Рыбалка, 2013.

© *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*, 2013.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ ВОЛИ: ПРИНЦИПЫ И КРИТЕРИИ ПОСТРОЕНИЯ

*А.Р. Батыршина. Набережночелнинский государственный
торгово-технологический институт (Набережные Челны, Россия),
e-mail: arb.71@mail.ru*

Значимость и необходимость построения периодизации истории психологии отмечалась многими исследователями (Тутунджян, 1982; Ждан, 2002; Ярошевский, 1985; Якунин, 1998 и др.). При изучении немалой по объему литературы, обращает на себя внимание тот факт, что в ней почти отсутствуют научные работы, в которых обобщалась бы проблема воли с позиций историко-психологического анализа. Недостаточная полнота и объективность историко-психологических знаний о волевой сфере человека создают серьезные фактические и логические трудности при формировании целостного представления о логике, тенденциях и направлениях развития отечественных исследований.

Для построения системного историко-психологического представления о феномене воли и волевой регуляции встает вопрос о периодизации ее истории с позиций общих теоретических принципов истории психологии. Отечественный психолог О.М. Тутунджян, например, указывает на различия макропериодизации, «когда речь идет о всеобщей истории психологии», и микропериодизации, относящейся «к периодизации развития психологической науки в отдельной стране» [4, с. 110]. Но и внутри микропериодизации «необходимо различать периодизацию, свойственную каждой области психологии» [4, с. 110], так называемую «отраслевую периодизацию», которая существует в детской психологии, социальной психологии, психологии труда и т.д. Отметим, что данная

задача успешно решается в опыте создания периодизационных моделей, к которым можно отнести периодизации: источниковой базы изучения истории развития психологических знаний (В.А. Кольцова); военной психологии (В.А. Карашан); психологии труда (Е.А. Климов, О.Г. Носкова); психотехники (Ю.Н. Олейник); истории преподавания психологии как учебной дисциплины (Н.Ю. Стоюхина).

Одной из продолжающихся тенденций в развитии психологии является постоянное обогащение ее концептуального аппарата, создание новой психологической терминологии, уточнение дефиниций психологических категорий. На наш взгляд, концепт «воли» в наибольшей степени претерпевал и продолжает испытывать изменения и в силу этого, построение локальной периодизации психологии воли поможет продвинуться в понимании проблемы.

Любая периодизация представляет историческое время в виде отрезков, которые концентрируются как периоды устойчивого или относительно неизменного состояния науки в широком смысле. Периодизация невозможна без четких критериев и требует предельной объективности и устойчивых методологических ориентиров. Конечно, периодизация имеет дело с исключительно сложным процессом развития изменения во времени событий и поэтому неизбежно упрощает историческую реальность. Деление истории-процесса на временные отрезки технически облегчает систематизацию событийного ряда с целью его изучения.

Опираясь на опыт отечественной методологии, нами была предпринята попытка сформулировать принципы построения периодизации (Гринин, 2008), которые легли бы в основу создания периодизации истории психологии воли. Первый принцип: наличие *одинаковых оснований*, согласно которому построение периодизации требует при выделении равных по таксономической значимости периодов исходить из одинаковых критериев. Второй критерий: *соблюдение иерархии*. При сложной периодизации, когда крупные ступени внутри себя разбиты на все меньшие, периоды каждого последующего уровня деления должны быть таксономически менее важными, чем периоды предыдущего уровня. В пе-

риодизации необходимо различать ее смысловую (концептуальную) и хронологическую стороны. И здесь можно говорить о третьем принципе: *дополнительного основания*, согласно которому помимо главного основания периодизации, определяющее количество и характеристики выделяемых периодов, присутствует еще и дополнительное, с помощью которого уточняется хронология.

При построении периодизации истории психологии воли в качестве критериев нами были использованы следующие положения:

1. При смене хронологических периодов, новое в исследовании проблематики воли не уничтожает прошлое, а накладывается на него.

2. В рамках каждого периода существуют противоборствующие позиции и течения как альтернативные.

3. Конкретное историческое событие происходит потому, что не реализовалось другое, и прошлому как «сбывшейся возможности» (М. Хайдеггер) в дальнейшем противостоит нереализованная возможность, которая только дожидается своего вызова. Часто востребованным перед новыми вызовами становится то другое, что дожидалось своего часа и что было задвинуто на периферию научного интереса и исследований.

4. Идея о «главных событиях», позволяющая выделить из огромного множества те «системы событий», которые оказали наибольшее влияние на появление идей и основных концепций или были доминирующими на определенных промежутках времени.

Руководствуясь принципами и критериями построения периодизации, а также опираясь на собранный материал и имеющиеся источники, автором предлагается следующая периодизация отечественной истории развития психологии воли:

Первый период охватывает время с XI века до первой половины XIX века. Это философский период накопления и оформления эмпирических психологических взглядов русских философов. Выводы, как правило, осуществлялись на основе наблюдений единичных психологических взглядов и не поднимались до уровня теорий и концепций.

Второй период охватывает время с *середины XIX века до конца 90-х гг. XX века*. Данный период можно охарактеризовать как время создания философских и естественнонаучных концепций волевой сферы личности. В этом периоде выделяются три этапа:

Первый этап (1860-е – 1910-20-е гг.) отмечен изменением места психологии в системе научного знания: ее связь с философией была поставлена под сомнение. Основными событиями здесь выступают полемика И.М.Сеченова – К.Д. Кавелина и, как продолжение полемики, дискуссия 1887-1889 гг. по проблеме свободы воли, в которую были вовлечены выдающиеся русские ученые-философы Н.Я. Грот, Л.М. Лопатин, Г.И. Челпанов, П.Е. Астафьев, психиатры С.С. Корсаков, А.А. Токарский.

Второй этап (1910-20-е – конец 1950-х гг.) характеризуется оформлением собственно научных психологических положений: разработка М.Я. Басовым теории воли в рамках психологии как науки о формах активности; представление о воле как акте реакции (К.Н. Корнилов); идея о воле как составной части структуры характера (В.М. Экземплярский). В понимании природы воли отдельный интерес вызывают концептуальные взгляды С.Л. Рубинштейна и методологический подход Л.С. Выготского к воле как высшей психической функции в контексте культурно-исторической теории.

В организационном плане этот этап отмечен выделением групп ученых, занимающихся исследованиями психологии воли (в Москве — К. Н. Корнилов, в Ленинграде — Ю.А. Самарин, в Киеве — В.К. Котырло, в Рязани — В.И. Селиванов, в Тбилиси — Ш.Н. Чхартшвили).

Третий этап (1960—1990-е гг.) отмечается наиболее яркими, неоднозначными подходами и решениями в исследовании воли и волевой регуляции личности. С конца 1950-х гг. начинают складываться центры психологического исследования воли: московская, ленинградская (санкт-петербургская), тбилисская и рязанская школы. К этому времени относится появление разнообразных теорий и подходов, авторы которых считали необходимым обращаться к решению проблем воли в рамках своего категориального

аппарата, таких как: воля как произвольная форма мотивации (В.А. Иванников), воля как произвольное управление поведением и деятельностью человека (Е.П. Ильин), воля как особая форма психической регуляции (В.И. Селиванов), воля как один из побудительных механизмов наряду с актуально переживаемой потребностью (Ш.Н. Чхартишвили).

Вследствие замены господствующей в психологии естественнонаучной парадигмы на гуманитарную можно говорить о начале *третьего периода (с конца 90-х XX века до сегодняшнего дня)*, который характеризуется акцентированием внимания психологов на проблемы внутреннего мира человека, самосознания, Я-концепции. И в этом контексте проблема воли и волевой регуляции личности получает новое осмысление.

Несмотря на периодическое снижение интереса к вопросам воли, попытки изучить многие аспекты по-прежнему составляют одну из особенностей отечественной психологии. Построение периодизации истории психологии воли, на наш взгляд, поможет обобщить все то ценное, что накоплено в истории отечественной психологической мысли и науки.

Литература:

1. Гринин, Л.Е. Методологические основания периодизации истории // Философские науки. 2006. № 8. С. 117-123.
2. Ждан, А.Н. Об одном из подходов к периодизации истории психологии // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Часть 4. Методологические проблемы историко-психологического исследования: Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН, 28-29 января 2002 г. / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 178-184.
3. Савельева, И.М., Полетаев А.В. О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. — М.: ИП РАН, 2005.
4. Тутунджян, О.М. Проблемы истории психологии // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 109-113.
5. Якунин, В.А. История психологии. СПб, 1998.

6. Ярошевский, М.Г. История психологии. М., 1985.

© А.Р. Батыршина, 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

УДК 159.922.1

НАСЛЕДИЕ И.С. КОНА: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И МНОГООБРАЗИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Г.В. Вержибок. Минский государственный лингвистический университет (Минск, Беларусь), *e-mail: galina_minsk@mail.ru*

Резюме. Рассматривается значимость идей И.С. Кона в современном мире изменчивости гендерных отношений.

Ключевые слова: половая дифференциация, гендерные отношения, гендерные стереотипы.

Работая на стыке разных общественных и гуманитарных наук (социологии, истории, антропологии, психологии, сексологии), И.С. Кон практически первым включил понятие «пол» в научно-исследовательский категориальный аппарат, определяя его как сложную многоуровневую систему, «совокупность взаимно контрастирующих генеративных и связанных с ними признаков», своеобразный «стержень» самосознания и поведения личности, кумулятивную и связующую конструкцию между обществом и индивидом. Социальная стратификация и половая дифференциация, возрастной символизм и образы детства, нормативные каноны и гендерная социализация, детство и юность как становление самосознания, родительство как социокультурный феномен, идеология традиционализма и стереотипы, и еще многие, многие другие темы И.С. Кон всесторонне анализировал и представлял для вдумчивого прочтения. Автор уделял внимание вопросам, ранее даже не обсуждаемым в науке: половой диморфизм и сексуальная ориентация, выбор идентичности, сексуальность и культура, мужчина в изменяющемся мире

(телесность, здоровье), национальный характер и психология предрассудка (гендерного, этнического), просвещая и образовывая такой еще неподготовленный к открытости мир, раскрывая и подсказывая решение многих проблем социального и индивидуального мира. Рассматривая общественное разделение труда и властные отношения, характер общения между мужчинами и женщинами, символизм и особенности социализации мальчиков и девочек, гендерные исследования, благодаря его обширному анализу, стали неотъемлемой частью всех гуманитарных наук.

Динамичность и изменчивость гендерного порядка, разнообразие стереотипов и канонов маскулинности-фемининности, расширение и усложнение межполового общения актуализирует спектр рассмотрения «взаимопроникновения социально-ролевого и индивидуально-личностного начал» (И.С. Кон, 2010). Это позволяет рассматривать половые различия как контрастирующие и взаимоисключающие, либо как допускающие индивидуальные вариации, ведь дихотомия «мужское–женское» выступает как важная и значимая классификация людей. Влияние общества проявляется в том, что поведение, соответствующее гендерному стереотипу, считается приемлемым, а отклонение от стереотипа вызывает осуждение. «При этом смысловая ценностно-нормативная взаимосвязь определенных качеств в рамках известного стереотипа сплошь и рядом неправомерно экстраполируется на реальное поведение индивидов» [1, с. 241].

Сравнительный анализ этнографических данных по 185 обществам, сделанный И.С. Коном [2], позволил связать половое разделение труда с культурой – в разных культурах наблюдалось и различное отношение к труду вообще, и к конкретным занятиям, в частности. В результате сформировалась престижность труда и отдельных занятий, и это привело в дальнейшем к половой дискриминации: одни занятия стали считаться мужскими, другие – женскими, и очень часто именно первые были престижными, а вторые – нет. Ведь осознание своей половой принадлежности основывается, с одной стороны, на соматических признаках (образ тела), а с другой – на поведенческих и характерологических

свойствах, оцениваемых по степени их соответствия или несоответствия нормативным стереотипам мужественности (маскулинности) и женственности (фемининности). При соответствии стереотипу индивид получает положительное подкрепление, при несоответствии – отрицательное. Меняется также и самооценка, хотя у мужчин и женщин она может различаться по количественным и качественным показателям. Выявлено, что самооценка более устойчива у мальчиков и мужчин, чем у девочек и женщин [1].

Так, женщины больше реагируют на давление со стороны общества в силу своей нацеленности на взаимоотношения с окружающими, для повышения мотивации им необходимы социальные стимулы, связанные с принятием группой. Для мужчины значимым является признание своей мужской состоятельности, статусные и социальные роли, сфера профессиональной деятельности, стремление к традиционализму в семейных отношениях. Общество стимулирует мужчин к получению успеха, им предписывается быть конкурентными, неповторимыми, уникальными. Женщины в этом плане либо не поощряются, либо стимулируются негативно – для них существуют барьеры в виде предубеждений, неодобрения, не позволяющие заниматься «мужскими» видами деятельности. Но «сдвиги в социальном положении женщин, характере их жизнедеятельности, уровне притязаний и самосознании опережают соответствующие изменения в поведении и психике мужчин, ... ни единого мужского стиля жизни, ни единого канона маскулинности сегодня не существует», однако «современный мужчина обладает достаточными адаптивными способностями, чтобы справиться с социальными вызовами эпохи» [3, с. 39, 43]. Как считает И.С. Кон, проблематизация социальных функций мужчины в семье дает мощный толчок изучению психологии отцовства, чему и посвящены его последние работы, отличающиеся полнотой раскрытия вопроса и теоретико-практическим наполнением содержания текстов.

Вследствие общей трудовой деятельности и совместного

обучения, характерны тенденции радикальной ломки традиционной половой стратификации, ослабление половых различий в поведении, тенденция маскулинизации женщин и феминизации мужчин, переход во взаимоотношениях между мужчинами и женщинами от иерархического соподчинения к равноправию, изменение культурных стереотипов. По мнению И.С. Кона (2004, 2009, 2010), начались и до сих пор продолжаются три глобальные революции – сексуальная, гендерная и семейная, где главными историческими предпосылками выступают возрастание обособления и отделенности людей, ослабление внешнего контроля за сексуальным поведением, появление эффективной контрацепции. Отмечаются и последствия, конкретные поведенческие результаты – снижение возраста сексуального дебюта, отделение сексуального поведения от брачного, рост числа до- и внебрачных связей, ослабление двойного стандарта и т.д. За такими поведенческими сдвигами стоит глубинный дискурсивный процесс отделения сексуальности от репродукции.

По представлениям о гендерных различиях и гендерном равенстве современная культура отличается от предшествующих культур, «диалектика культурного канона и индивидуального самосознания особенно сложна» [1, с. 233]. Новый уклад жизни привел к возникновению иных, чем ранее, социальных и психологических характеристик полов, ведущими процессами стали индивидуализация и плюрализация, позволяющие людям выбирать стиль жизни и род занятий безотносительно к их половой/гендерной принадлежности, принцип господства и подчинения постепенно уступает место отношениям осознанной взаимозависимости [3, с. 39]. Поэтому идея социальной одинаковости и взаимозаменяемости полов должна быть заменена на идею их дополнительности, что требует знания биологических основ (В.А. Геодакян). «Хотя массовому сознанию нормативные мужские и женские свойства часто по-прежнему кажутся альтернативными и взаимодополнительными, принцип «или/или» уже не является безраздельно господствующим. Многие социально-значимые черты и свойства личности считаются

гендерно-нейтральными или допускающими существенные социально-групповые и индивидуальные вариации» [3, с. 38]. Мужское и женское – полюса идеальных состояний, которые образуют два конца континуума, между ними располагаются бесчисленные переходные ступени.

При возрастающем «размывании» поведения и снижении «требовательности» социальных норм, либерализации половой морали и изменчивости гендерной иерархии, продолжения воздействия эффектов гомогенизации ролевого поведения эти процессы наблюдаются в условиях «гегемонной, множественной, мультидополнительной маскулинности» (Carrigan, Connell, Lee 1985; M. Kimmel, 2000) и «подчеркнутой, удовлетворенной, активированной фемининности» (R.W. Connell, 1987, 2005; M. Schippers, 2004). Однозначно поэтому признаются огромные внутренние противоречия, сложность построения и воплощения собственного «Я» в изменившемся социальном мире (И.С. Кон, 2009). Как никогда сегодня актуальны и своевременны высказывания И.С. Кона: «... думаю, что ни половые, ни гендерные различия никогда не исчезнут, мужчины и женщины никогда не будут одинаково широко представлены во всех сферах деятельности. В этом нет социальной необходимости. Я не вижу ни моральных, ни социальных оснований противопоставлять эти модели, лишь бы только индивидуальный выбор был свободным» [3, с. 43].

Создавая новый способ размышления, можно способствовать смягчению стереотипов и направленности общества на идеи равноценности и значимости каждого индивида, вне зависимости от половых признаков, несмотря на совпадения биологического и социального пола, при рассогласовании и множественности идентичностей. Тем самым, утверждаются и реализуются истинные идеи гуманизма, толерантности и понимания между людьми – такими разными, но, по сути (рождения и жизни), такими похожими, просто индивидуальность у всех проявляется по-своему. Тщательный анализ индивидуальных историй может обнаружить переходы изменений, пути построения личного пространства и

будущего, уважая жизненный выбор (А. Sajavaara, 2006). Наследие И.С. Кона – безгранично, многие позиции нам предстоит еще обдумать и принять заново, изменив себя и окружение, мир в себе и себя в этом постоянно изменяющемся мире.

Нам всем надо учиться уважению и поиску взаимопонимания, претворять это в реальность и действовать совместно, развивая междисциплинарный подход в изучении таких сложных, но необходимых вопросов. «Принципы современного мира – ответственность и толерантность – предполагают гораздо большую социально-нравственную активность и самостоятельность индивидов. Социальная политика – не ритуальный плач по России, «которую мы потеряли», и не зычный командирский окрик «Все по местам!». Здесь нужен, прежде всего, социологический реализм. Жить в сегодняшнем мобильном и изменчивом мире по понятиям воображаемого прошлого люди не захотят и не смогут» [4]. Развитие здорового индивидуализма представляется совершенно необходимым и для воспитания уважения к неприкосновенности частной жизни, и для избавления от мифов, преодоления предрассудков. Вне погружённости в данный контекст, обсуждение темы гендерных отношений выглядит оторванным от реальности и лишённым интереса, теряет всякий смысл. Ответом может быть, по мнению великого ученого и общественного деятеля, одного из корифеев советской и российской науки И.С. Кона (2010), только «устремленный в будущее творческий поиск, который мужчины и женщины должны вести совместно».

Литература:

1. Кон, И.С. Социологическая психология / И.С. Кон. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. – 560 с. – (Серия «Психологи отечества»).
2. Кон, И.С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива / И.С. Кон. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. – 270 с.
3. Кон, И.С. Мужская роль и гендерный порядок / И.С. Кон // Вестник общественного мнения. – 2008. – № 2 (94). – Март-апрель.

– С. 37-43.

4. Кон, И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции / И.С. Кон // Лекция на междунар. конф. «Российский гендерный порядок: искусство, литература, массовая культура». – Санкт-Петербург, 19 ноября 2010г.

© Г.В. Вержибок, 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

УДК: 159.9 + 159.923

СУЩНОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА МОТИВАЦИИ ПО В.Г. ЛЕОНТЬЕВУ

*Ю.С. Данилов, О.А. Белобрыкина. Новосибирский
государственный педагогический университет (Новосибирск,
Россия), e-mail: taradanovo1993@mail.ru,
e-mail: olga.belobrykina@gmail.com*

Осмысление истории становления любой отрасли научных знаний немислимо без обращения к именам и анализу судеб ее представителей. И психология в этом аспекте не составляет исключения. В истории становления Сибирской школы психологии особое место принадлежит Владимиру Григорьевичу Леонтьеву (26.01. 1930 – 19.01.2011) – доктору психологических наук, профессору, академику Международной Академии наук педагогического образования, Почетному профессору Новосибирского государственного педагогического университета, Заслуженному работнику высшей школы РФ.

С именем В.Г. Леонтьева связано инициирование на Сибирской земле и обогащение традиции школы Дмитрия Узнадзе – им было подготовлено более 50 кандидатов и 20 докторов психологических наук, исследующих различные аспекты мотивации и активности личности [1]. Долголетний опыт сотрудничества Владимира Григорьевича с физиологами, математиками,

физиками, военными, педагогами способствовал утверждению ученого в мысли о том, что для психологии будущее междисциплинарных исследований бесконечно плодотворно, причем первоочередной задачей выявления специфики психического он полагал исследование именно мотивационного компонента личности [5].

В научно-профессиональной деятельности В.Г. Леонтьева нельзя оставить без внимания его заслуги на общественном и организационном поприще. Почти полвека его жизнь была связана с Новосибирским государственным педагогическим университетом. Благодаря инициативе Владимира Григорьевича в вузе были открыты аспирантура и действующий на базе университета (с 1992 по 2001 г.) диссертационный Совет Д.113.38.01 по специальности 19.00.01 – «Общая психология, история психологии».

К числу его организационно-профессиональных заслуг относится лицензирование новой специальности «педагог-психолог» и открытие (1996 г.) факультета психологии. Интерес студентов, аспирантов, коллег по профессиональному цеху, к общетеоретическим вопросам и практико-ориентированным, прикладным направлениям психологии мотивации, актуализированный В.Г.Леонтьевым, сохраняется до настоящего времени [2; 3].

На протяжении многих лет Владимир Григорьевич вел большую общественную работу – возглавлял на посту председателя Новосибирское отделение Российского психологического общества, выступал организатором научных и методических мероприятий для педагогического сообщества Сибирского региона, являлся инициатором проведения научно-практических конференций по психологии.

Научное наследие Владимира Григорьевича Леонтьева включает 80 научных и научно-методических работ, основными из которых являются: «Закономерности проявления содержательных характеристик мотивации» (коллективная монография) (1986); «Психологические механизмы мотивации» (монография) (1992);

«Мотивация и психологические механизмы ее формирования» (монография) (2002); учебные пособия «Психологические механизмы мотивации учебной деятельности (1987)» и «Стиль руководства и социально-психологический климат педагогического коллектива (1989)», и др.

Признавая глубину проблемы и понимая временную ограниченность, с которой сталкивается любой исследователь, В.Г. Леонтьев справедливо отмечал, что предстоит еще много сделать в теоретическом и экспериментальном аспекте для того, чтобы знания о потребностях, интересах и мотивах приобрели востребованность в социальной и индивидуальной практике [6]. В качестве предельно актуальной, он рассматривал проблему механизмов мотивации. Именно эта категория составляла стержень научных интересов ученого на протяжении всего периода изучения им проблем в области психологии мотивации. По мысли исследователя, так как механизмы мотивации не только объясняют явления мотивации, но и раскрывают ее суть, позволяют понять ведущие закономерности проявления мотива и в учебной, и в других видах деятельности человека, то возникает закономерная необходимость анализа понятия «психологический механизм», выявления его структуры, психологического содержания и определяющих признаков [4].

Под психологическим механизмом мотивации В.Г. Леонтьев понимал «отражение в психике каких-либо физических, физиологических, социальных и других объективных факторов, закономерностей человеческого взаимодействия с окружающим миром» [4, с. 99]. Однако само отражение в психике является открытым и содержательным, оно способно воплощаться в программу побуждения какой-либо конкретной деятельности и поведения человека. Очевидно, если рассматривать психологический механизм как систему, то его выражение будет идентично психическим явлениям, в которых система обнаруживает свое предназначение для преобразования и формирования активности, выраженной одним или несколькими мотивами, в требуемую активность, выраженную другими

мотивами. Как видим, в этом определении В.Г. Леонтьевым четко обозначены формирующая и регуляторная сущность явления психологического механизма. Причем автор концентрирует особое внимание на недопустимости отождествления самого механизма с активностью или с ее источником. Этот аспект дает исследователю основание рассматривать психологический механизм как раскодированный фактор побудительного состояния, проявляющийся в содержательных, образных, понятийных терминах и представлениях. Иными словами, психологический механизм представляет собой отражение на субъективном уровне тех объективных явлений и процессов, которые, в свою очередь, будут обеспечивать взаимодействие человека с окружающей средой. Однако, по мысли В.Г. Леонтьева, психологический механизм является не просто констатацией этих процессов, он, по сути, есть нечто иное, как «определенный регулятивный этап, способный управлять энергетическими уровнями во взаимодействии человека с окружающей средой в последовательном взаимном преобразовании личности и объективных явлений» [4, с. 100].

Изучая психологические механизмы мотивации, исследователь выявил, что им присуща обобщенность, в них находит отражение взаимосвязь многих звеньев психической системы, детерминирующих деятельность и поведение человека. Очевидно, эти механизмы можно представить как закономерную связь условий, факторов, средств и структур каких-либо отношений и связей, где возникают мотивы и/или различные формы мотивации. Опираясь на принцип системности, сформулированный Б.Ф. Ломовым (1996), В.Г. Леонтьев в понятийном плане определяет мотивационный механизм как систему психических, психофизиологических и социальных предпосылок самой мотивации, выступающих в качестве направленных побудителей человеческого поведения и деятельности.

Механизмы мотивации, по В.Г. Леонтьеву, характеризуются разноуровневостью и неоднородностью. Так, с помощью одних механизмов возникают мотивационные состояния, которые находят свое выражение в каких-либо формах мотивации: мотиве,

потребности и т.д. На основе активации других механизмов происходит становление и формирование мотивации как конкретного и реального побуждения к действию. Благодаря третьим осуществляется реализация мотивации в виде преобразования стимулов внутренней и внешней среды, в которой живет человек. Кроме того, механизмы мотивации, полагает ученый, имеют различную степень обобщенности и конкретизации. Например, одни механизмы могут обеспечивать активность поведения только в одной и конкретной ситуации. В случае, когда происходят какие-либо изменения в ситуации, то эти механизмы прекращают свое действие. Другие, наоборот, имеют более обобщенный характер и способны обеспечивать активность поведения человека в различных ситуациях и условиях. Имеется и третий тип механизмов, обладающих статусом всеобщего. Такие механизмы В.Г. Леонтьев (2002) называет исходными, генерализованными, действие которых имеется практически во всех случаях деятельности и поведения человека. Важно отметить, что функционирование любого из механизмов основывается на конкретном принципе, выражающем саму сущность механизма и его основные характеристики.

Владимир Григорьевич был убежден, что любая деятельность имеет полимотивированный характер. Мотивационный состав деятельности и механизмы мотивации, актуализирующие ее, всегда иерархизированы, то есть определенным образом соподчинены. В совокупности они будут составлять систему механизмов, которая и сможет обеспечить необходимую мотивацию деятельности.

Подводя краткий итог, отметим, что В.Г. Леонтьев внес неоценимый вклад в теорию и практику психологии мотивации личности. Он, на основе многолетних исследований, выявил несколько типов психологических механизмов мотивации, проявляющихся в различных условиях и отличающихся разной степенью обобщенности и специфичностью действия.

Литература:

1. Белобрыкина, О.А. Личность ученого в исторической

перспективе: В.Г. Леонтьев / О.А. Белобрыкина, О.А. Шамшикова // Проблемы психологии мотивации: сб. науч. тр. по материалам науч.-практ. конф. 27 января 2005 г. : юбилейный выпуск: к 75-летию со дня рождения В. Г. Леонтьева / под науч. ред. О.А. Белобрыкиной, О.А. Шамшиковой ; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск : НГПУ, 2005. – С. 4-10.

2. Белобрыкина, О.А. Профессиональная мотивация: понятие, содержание, противоречия / О.А. Белобрыкина // Проблемы адаптации и самореализации личности в современных социокультурных условиях: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. / Под науч. ред. М.И. Кошеновой, О.А. Белобрыкиной. – Новосибирск: ООО «Немо-Пресс», 2010. – С. 218-225.

3. Данилов, Ю.С. Вклад В.Г. Леонтьева в психологическую теорию мотивации личности / Ю.С. Данилов // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: материалы II Всерос. студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Новосибирск, 20-22 ноября 2013 г.) / Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – 298 с. – С. 46 – 48.

4. Леонтьев, В.Г. Мотивация и психологические механизмы ее формирования: монография / В.Г. Леонтьев. – Новосибирск: Изд-во «Новосибирский полиграфкомбинат», 2002. – 264 с.

5. Леонтьев, В.Г. Мотивация и активность личности / В.Г. Леонтьев // Ежегодник РПО: материалы IV Всерос. съезда РПО. – В 3 т. – Т.3. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 236-237.

6. Леонтьев, В.Г. Принципы исследования мотивации деятельности / В.Г. Леонтьев // Социокультурные проблемы современной молодежи: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч.1. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. – С.132-139.

7. Ломов, Б.Ф. Системность в психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1996. – 384 с.

© Ю. С. Данилов, О.А. Белобрыкина, 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ОСОЗНАНИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ВНУТРИГРУППОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

И.В. Сильченко. Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины (Гомель, Беларусь), e-mail: IrinaSilchenko07@yandex.by

Резюме. В статье рассматриваются теоретические аспекты исследования проблемы осознания и переживания межличностных отношений в истории отечественной социальной психологии.

Ключевые слова: межличностные отношения, осознание, переживание, социально-психологическая рефлексия и перцепция, перцептивные феномены.

Важнейшим аспектом области психологии межличностных отношений в малых группах является проблема их осознания и переживания. Подлинно психологический подход к исследованию групповых процессов и управлению ими, по мнению ряда отечественных социальных психологов, предполагает учет не только объективных факторов групповой действительности, но и субъективных – представлений членов группы о межличностных отношениях в группе, о собственном положении в структуре этих отношений и положении других ее членов. Совокупность этих представлений у каждого члена группы создает «индивидуальный субъективный образ группы» [5, с. 4], который не только отражает групповую реальность, но и выполняет регулятивную функцию по отношению к ней (Г.М. Андреева, А.И. Донцов, 1981, Я.Л. Коломинский, 1986; Р.Л. Кричевский, Е.М. Дубовская, 1991 и др.).

В отечественной социальной психологии проблема осознания межличностных отношений начала разрабатываться в 60-е годы XX века. Основная часть этих исследований осуществлялась в рамках разработки социально-психологических

проблем педагогической и детской психологии. Наиболее систематическое и разноаспектное изучение социально-психологической рефлексии и перцепции было предпринято Я.Л. Коломинским, итоги которого были подведены им в монографии «Психология взаимоотношений в малых группах». Автором были разработаны оригинальные методические приемы исследования – «аутосоциометрические методы», позволяющие косвенным путем измерить и текущие и ретроспективные самооценки и взаимооценки статуса. Обнаружен и описан ряд феноменов осознания статусной структуры групп, получены коэффициенты, измеряющие существенные параметры социально-психологической рефлексии и перцепции [1].

Важным, на наш взгляд, является акцентирование Я.Л. Коломинским того факта, что из всех систем взаимоотношений, система личных отношений наиболее эмоционально насыщенная. Исследования показывают, что человек аффективно, эмоционально переживает свои взаимоотношения, особенно остро они переживаются в подростковом и юношеском возрасте. Любое осложнение, нарушение в этой сфере, действительная или мнимая потеря привычного положения, воспринимается человеком как трагическое событие, переживается очень остро и зачастую болезненно. Отношение человека к своему положению в системе межличностных отношений включает два основных психологических компонента – переживание и осознание. Переживание и осознание теснейшим образом связаны между собой, но это разные психологические характеристики отношения к окружающему. Так, человек может осознавать что-то, но это оставляет его спокойным, эмоционально не затрагивает. И, наоборот, он может аффективно, эмоционально переживать свои взаимоотношения с окружающими, свое положение в группе сверстников, истинных причин которых он не осознает [2, с.205-207]. Формами проявления переживаний выступают: парадокс осознания – тенденция к завышенной самооценке статуса у низкостатусных индивидов; социометрические установки – относительная устойчивость тенденций оценивать статус других

членов группы как высокий или как низкий; эгоцентрическая нивелировка статуса – тенденция приписывать другим членам группы статус либо равный своему, либо более низкий; ретроспективная оптимизация – тенденция благоприятно оценивать свой статус в прежних группах и др. [1, с. 208–310]. Подчеркивая важность исследования проблемы переживания межличностных отношений, Я.Л. Коломинский, вместе с тем, отмечает методическую трудность такого изучения, в силу их субъективности и недостаточной осознанности [2, с. 208].

Ю.А. Орн, разрабатывая проблему осознания личных взаимоотношений, провел тщательный анализ традиционного теста социометрической перцепции и разработал новый методический прием – «социометрическое сочинение», а также выявил ряд новых факторов, влияющих на адекватность осознания статусной структуры группы. Результаты его работ свидетельствуют о тенденции к лучшей осознаваемости отрицательной иерархии (отвергаемых группой лиц), чем положительной иерархии (предпочитаемых группой лиц). Значительный интерес представляет попытка анализа закономерностей осознания мотивов межличностных отношений [3, с. 51]. Благодаря работам Я.Л. Коломинского и Ю.А. Орна, проблема осознания межличностных отношений вошла в отечественную социальную психологию и педагогику и начала интенсивно разрабатываться в самых различных направлениях.

В 70-е годы прошлого века исследования закономерностей осознания межличностных отношений проводятся на кафедре социальной психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Они развертываются в контексте широких исследований межличностного восприятия и направлены на преодоление разрыва между изучением социальной перцепции и межличностных отношений в малых группах. В качестве методологической основы был введен принцип *деятельностного опосредствования*, что обусловило необходимость исследования рефлексивно-перцептивного отражения личных взаимоотношений в группах разного уровня развития и с различным содержанием

совместной деятельности. В этой связи, непосредственный интерес представляют исследования, проведенные К.Е. Данилиным, в которых анализируются закономерности осознания диадических отношений в группах с различным уровнем развития совместной деятельности и коллективистских отношений. В них показано решающее значение уровня развития группы и объективного положения субъекта в ней для точности восприятия субъектом межличностных предпочтений в группе и доказана ограниченность проявления широкого класса ошибок в восприятии межличностных предпочтений (презумпции взаимности и предположения о сходстве), действие которых считалось универсальным. Установлено, что аутосоциометрические показатели позволяют содержательно углубить представления о группе и ее участниках: об атмосфере группы, характере лидерства в ней, групповой дифференциации, о специфике адаптации в ней новых членов [4, с. 22-24].

Рассмотрение истории изучения проблемы социально-психологической рефлексии и перцепции было бы неполным без упоминания фундаментального исследования А.А. Кроника [5], касающегося социально–индивидуально–психологических закономерностей формирования самооценок и взаимооценок статуса в малых социальных группах. Исходя из теории установки Д.Н. Узнадзе, ученым разработана установочная модель социально-психологических механизмов межличностного оценивания, в рамках которой получают объяснение многие известные феномены социальной перцепции, а также предсказываются условия возникновения ряда новых. Автором выделены четыре типа межличностного оценивания: нормативное, в котором функцию установки выполняют ожидаемые оценки; ценностное, которое базируется на идеалах и антиидеалах; социоцентрическое, основанное на сложившемся ранее мнении субъекта об оцениваемом индивиде; эгоцентрическое, в основе которого лежит самооценка личности и ее представления и суждения о себе самой. Выявлены факторы индивидуальных различий в межличностном оценивании. Прослежена эволюция

механизмов межличностного оценивания, установлено, что по мере продвижения группы от неколектива к коллективу происходит последовательная смена типов оценивания от нормативного к эгоцентрическому, социоцентрическому и ценностному [5, с. 101].

В других исследованиях, выполненных в рамках данного подхода, отмечается, что влияние группового контекста на межличностное восприятие не исчерпывается одним только деятельностным фактором, который так же нуждается в большей детализации. В диссертационных работах была выявлена следующая совокупность детерминант межличностного восприятия: эффективность, уровень развития и форма организации совместной деятельности (А.А. Амельков, 1985; Т.С. Миронова, 1986; Р.Л. Кричевский, 1991; А.С. Симаков, 1998), а также переменные личностного характера (М.Е. Шмуроватова, 2001). Установлено, что основным детерминирующим фактором является эффективность деятельности, именно она определяет содержание межличностного восприятия, в то время как все остальные играют вспомогательную роль, дополняя и корректируя влияние основного фактора [6, с. 140].

Как видим, результаты многочисленных исследований оказались неоднозначными и противоречивыми. Накопленные к настоящему времени данные свидетельствуют, что не только совместная деятельность обуславливает содержание межличностного восприятия членов группы, но и адекватное осознание и переживание межличностных отношений в группе оказывает формирующее воздействие на статусную иерархию этих отношений и служит фактором повышения эффективности совместной деятельности (Л.А. Пергаменщик, 1985; Я.Л. Коломинский, 2000; М.Е. Шмуроватова, 2001 и др.). Причем, наиболее демонстративно подобное влияние обнаруживает себя в феномене руководства: социально-перцептивные характеристики руководителя, точность отражения им групповых параметров выступают в качестве одного из существенных условий эффективности групповой деятельности (В.П. Соловьев, 1987; Е.И.

Шарова, 1986; Р.Л. Кричевский, 1991).

Краткий экскурс в историю проблемы осознания и переживания межличностных отношений позволяет отметить, что в отечественных исследованиях накоплены многочисленные порой противоречивые эмпирические факты, преимущественно связанные с изучением одного психологического компонента отношения человека к своему положению – «осознания». Другому аспекту – «переживанию» уделяется недостаточно внимания, что отражается и в названиях работ, где для обозначения направления и проблематики исследований термин «переживание» практически не используется.

Литература:

1 Коломинский, Я.Л. Психология взаимоотношений в малых группах / Я.Л. Коломинский. – Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1976. – 352 с.

2 Коломинский, Я.Л. Социальная психология развития личности / Я.Л. Коломинский, С.Н. Жеребцов. – Минск: Высш. шк., 2009. – 336 с.

3 Орн, Ю.А. Оценка межличностных отношений учащихся как педагогическая проблема: автореф. ... дис. канд. пед. наук: 10.00.01 / Ю.А. Орн; Тартуский гос. ун-т. – Тарту, 1975.– 61с.

4. Данилин, К.Е. Восприятие межличностных предпочтений в группе: автореф. ... дис. канд. психол. наук: 10.00.05 / К.Е. Данилин; Московский гос. ун-т. – М., 1984. – 25 с.

5. Кроник, А.А. Межличностное оценивание в малых группах / А.А. Кроник. – Киев: Наукова думка, 1982. – 160 с.

6. Кричевский, Р.Л. Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты / Р.Л. Кричевский, Е.М. Дубовская. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 207 с.

© И.В. Сильченко, 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

*М.А. Чагова. ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» (Черкесск, Россия),
e-mail: Sh_marinotchka@mail.ru*

Резюме. В сообщении представлен краткий обзор развития проблемы толерантности к неопределенности. Отмечено, что, несмотря на относительную молодость исследований, феномен толерантности к неопределенности смог обозначить перспективность своего прикладного рассмотрения применительно к широкому кругу вопросов. Отмечено, что исследовательский ресурс феномена не исчерпан и толерантность к неопределенности может раскрыть новые грани, в частности, такого сложного состояния как психологическая безопасность личности в разных контекстах деятельности активной личности субъекта.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, интолерантность, психологическая безопасность, субъект, напряженная профессиональная деятельность.

Проблема толерантности к неопределенности в настоящее время образует одно из интереснейших направлений психологической науки. Упоминания о толерантности к неопределенности встречаются в связи с исследованием проблем: формирования дивергентного мышления старшеклассников, эффективного консультирования, педагогической фасилитации, личностного изменения, воспитания толерантности, самоактуализации личности, педагогического партнерства [2]. Рассматривают также связь толерантности к неопределенности и креативности (человек способный переносить ситуации неопределенности, сможет работать со сложными проблемами, находя различные их новые решения, т.е. проявлять

свою креативность).

Несмотря на достаточную молодость исследований в данной области, они открывают горизонты новой интерпретации и разработки ключевых вопросов психологической науки и практики. Толерантность к неопределенности может внести значительный вклад в развитие представлений о достижении сложных состояний (например, психологической безопасности личности [9, 10]) и овладении сложными умениями и навыками (иностранными языками [14]). Такие перспективы нами обозначаются с опорой на выявленные на сегодняшний день характеристики толерантности и интолерантности к неопределенности. Установлено, что обладание личностной толерантностью к неопределенности позволяет субъекту видеть в изменяющемся мире новые возможности, пытаться найти компромисс между собой и окружающим миром. Интолерантный же человек постоянно испытывает трудность в коррекции программы поведения в необходимых ситуациях, находится в состоянии нервно-психического напряжения. В итоге это ведет к переутомлению и истощению организма, а, значит, и падению внутренних ресурсов, и потере способности к активной работе [1]. В эпоху быстро меняющихся условий труда, сложности, напряженности психологической обстановки в условиях экономического, политического и социально-культурного развития становится востребованной практика развития и поддержания у субъекта толерантности к неопределенности.

Термин «толерантность к неопределенности» возник относительно недавно – в XX веке, предложен в работе Э. Френкель-Брунsvик в 1948 г. в связи с изучением авторитаризма [20] в рамках исследовательского проекта по изучению авторитарной личности, выполнявшегося в конце 40-х годов XX века под руководством Т. Адорно. По его итогам был выделен тип авторитарной личности, характеризовавшийся девятью психологическими чертами: устойчивая приверженность ценностям среднего класса, авторитарное подчинение, авторитарная агрессия, ригидность и стереотипность мышления, склонность к мистике, поддержка силы и твердости, деструктивность и цинизм, антиинтрацепция (нечто вроде антипа-

тии ко всему творческому), морализаторство в вопросах сексуальной жизни [16]. Однако, вскоре интерес к изучению темы «толерантности к неопределенности» воплотился в многочисленных исследованиях российских и зарубежных авторов. Ее развитие связано с классической работой С. Баднера (1962) [18], в которой предложена первая измерительная шкала толерантности к неопределенности, и работой С. Бохнера (1965) [17], где впервые системно представлен ряд характеристик интолерантной к неопределенности личности. С 1970 года и до конца десятилетия проводятся исследования как самого феномена толерантности к неопределенности, так и сравнительные исследования толерантности к неопределенности и локуса контроля, необходимости в структурировании и догматизма, восприятия юмора, самоактуализации, влияния толерантности к неопределенности на эффект стимулирующих игр. Исследуются возрастные аспекты, появляются новые измерительные шкалы. С 1980 г интерес к проведению исследований заметно стихает.

Сохранению интереса к себе толерантность к неопределенности обязана социальной психологии, в которой она рассматривается последователями теории авторитарной личности Т. Адорно, Э. Френкель-Брунстик и т.д. Постепенно происходит расширение географии проводимых исследований и обогащение измерительного инструментария: испаноязычная шкала Д. Вигано ла Роза – шкала *Vigano la Rosa D.L* [25] и более подробный обзор шкал для измерения толерантности к неопределенности можно найти в работах Э. Фарнхема и Т. Рибчестер [22]. Их обзорная статья вскрыла основные проблемы исследования толерантности к неопределенности: размытость конструкта, его зависимость от методики измерения, что делает проблематичным сравнение результатов различных исследований, и кумулятивного накопления фактов об этой личностной / когнитивной черте [4]. Большой вклад в развитие рассматриваемой проблемной области внесли исследования А.И. Гусева [2]. С 1990 года и по сей день наблюдается возрастающий интерес к исследованию различных аспектов толерантности к неопределенности в сфере подготовки бизнесменов и медицинских

работников, в связи с исследованием креативности и различных видов мышления. Рассматриваются различные аспекты взаимоотношений толерантности к неопределенности с другими психическими образованиями: потребностью в точности, потребностью в структурировании курса, предпочтении риска, поведенческой экспрессии и пр. Не ослабевает интерес к изучению возрастных особенностей этого феномена. Исследовательский аппарат дополняется шкалой MSTAT-I [3].

В нашей стране изучение толерантности к неопределенности происходит только в 90-е годы прошлого столетия. Так, в 1998 г. в Санкт-Петербургском госуниверситете Е.Г. Луковицкой была защищена кандидатская диссертация по специальности социальная психология на тему «Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности» [11]. В 2004 г. в Московском госуниверситете на кафедре нейро- и патопсихологии Шалаев Н. защитил дипломную работу на тему «Адаптация методики исследования толерантности к неопределенности» [15]. В обоих исследованиях авторы при упоминании о толерантности к неопределенности ссылаются исключительно на зарубежные источники.

Значительный вклад в рассмотрение проблемы толерантности к неопределенности внесли А.Г. Матушанская и Б.С. Алишев. В статье «Толерантность к неопределенности и смежные психологические конструкты когнитивной психологии» авторы рассматривают толерантность к неопределенности в трех аспектах: толерантность к двусмысленности, толерантность к неопределенности и толерантность к неизвестности [12]. «Толерантность к двусмысленности» была рассмотрена Э. Френкель-Брунстик как когнитивная составляющая качества толерантности к неопределенности [20]. Двусмысленность по ее мнению выражалась в способности индивида носить в себе как отрицательные, так и положительные качества в одном и том же объекте. При дальнейших исследованиях в замену «толерантности к двусмысленности» пришел более широкий по значению термин «толерантность к неопределенности», включающий в себя абсолютную неизвестность, а не только наличие альтернатив («толерантность к двусмысленности»). Некоторые

исследователи, к примеру, К. Дальберт [19], используют термин «толерантность к неизвестности», говоря о том, что неизвестность возникает при недостаточном количестве информации о последующем развитии ситуации, то есть она связана с наличием фактора времени. По мнению К. Дальберта, толерантные к неизвестности люди оценивают неопределенные ситуации как вызов, они ищут такие ситуации, в то время как интолерантные к неизвестности люди переживают неопределенные ситуации как угрозу. При возникновении таких ситуаций интолерантные к неопределенности люди стараются избежать их, а при отсутствии такой возможности стремятся скорее их завершить. По мнению авторов статьи, двусмысленность чаще всего связана с речевыми конструкциями или с действиями людей в конкретных ситуациях, допускающими возможность разного истолкования их смысла и значения. Она является лишь частным случаем неопределенности как всеобщей характеристики реальности, ее познания и переживания человеком. Суть этой всеобщности заключается в том, что та или иная мера неопределенности присутствует всегда и всюду в силу того простого факта, что будущее не задано и не предопределено. Человек, хочет он того или нет, вынужден приспосабливаться к этой неопределенности, и разным людям это удастся в разной мере [19].

Авторы связывают исследования толерантности к неопределенности с «потребностью в конструктивном заключении», «потребностью в структурировании действительности», «потребностью в познании» [24; 27]. «Потребность в конструктивном заключении» выражается в стремлении индивидуумом получить ответ на любой вопрос, связанный с неопределенностью или сомнением. Суть проблемы «потребности в структурировании» заключается в том, что людям для того, чтобы нормально жить и взаимодействовать, нужно иметь некоторое представление о реальности, т.е. структурировать ее, расчленять на объекты, явления, системы. Вопрос о «потребности в познании» разрабатывался А.Р. Коэном, который определял его как «потребность в понимании и причинном объяснении воспринимаемого мира» [26].

В кросс-культурных исследованиях Г. Хофстеда толерантность

к неопределенности рассматривается как культурная переменная. Под неопределенностью он понимал пребывание человека в неструктурированных ситуациях и считал, что социальные правила, ритуалы, религиозная ориентация культурно обуславливают формы реагирования индивида на неопределенность. Следовательно, полагает он, именно пребывание человека в той или иной культуре развивает различную степень склонности к избеганию неопределенности. Данное понятие указывает, в какой степени развитие человека в рамках той или иной культуры позволяет членам данной культуры ощущать комфорт или дискомфорт в неопределенной ситуации. В связи с этим Г. Хофстед отмечает, что «культуры, стремящиеся избежать неопределенность, пытаются минимизировать вероятность таких ситуаций, создавая строгие законы и правила, меры безопасности и защиты. В противоположном типе культуры, толерантной к неопределенности, люди более терпимы к взглядам, отличным от их собственных или тех, к которым они привыкли; они стараются создавать как можно меньше правил, а с позиций философии и религии действуют как «релятивисты» (признающие относительность чего бы то ни было)» [23].

На современном этапе изучения данного явления наблюдается увеличение работ прикладной направленности. Возникшие концептуальные противоречия в рассмотрении толерантности к неопределенности (как одномерного или многомерного явления, как «стержневого» психического свойства или специфической особенности когнитивных процессов) актуализировали значимость решения вопросов измерения толерантности к неопределенности. Большой вклад в практическую разработку измерений толерантности к неопределенности внесли Г.У. Солдатов, Л.А. Шайгерова, Т.Ю. Прокофьева, О.А. Кравцова, которые разработали практическое пособие по психодиагностике толерантности личности [13]. Практическое пособие включает конкретные методы, позволяющие исследовать различные аспекты толерантности как психофизиологической и социально-психологической устойчивости личности, как системы установок и ценностных ориентации, как групповой и личностной характеристики. Психодиагностический материал

представлен в виде описания методик, стимульного материала, способов обработки и интерпретации. Пособие адресовано психологам, социологам, педагогам, студентам и аспирантам гуманитарных факультетов университетов, а также всем, кто проводит или планирует проводить эмпирические исследования толерантности и заинтересован в поиске инструментов ее диагностики и исследования.

Интересным в этой связи представляется исследование Т.В. Корниловой в статье «Новый опросник толерантности к неопределенности», опубликованной в «Психологическом журнале» [8]. В статье автора представлены результаты апробации на российской выборке нового опросника толерантности к неопределенности – НТН. В его основу положена схема соединения А. Фурнхамом наиболее известных ранее в зарубежной литературе шкал [21]. Обоснована представленность в Новом опроснике толерантности к неопределенности трех шкал – толерантности к неопределенности (ТН), интолерантности к неопределенности (ИТН) и межличностной интолерантности к неопределенности (МИТН). В другой своей статье «Неопределенность, выбор и интеллектуально-личностный потенциал человека» Т.В. Корнилова рассматривает принцип неопределенности в его психологических конкретизациях, начатых исследованиями интеллектуальных стратегий в работах О.К. Тихомирова, положенный в основу представлений о единстве функционирования интеллектуально-личностного потенциала человека, саморегуляции его решений и действий, и модели множественной функциональной и многоуровневой регуляции выбора [6,7].

В последнее время особое внимание уделяется исследованию качества толерантности к неопределенности у психологов. Появилось большое количество работ студентов-психологов и психологов-практиков, уделивших внимание данному вопросу. Интересно, в частности, исследование О.А. Кондрашихиной по выявлению значимости конструктивного отношения к неопределенности в контексте различных форм профессиональной деятельности психолога – научно-исследовательской, диагностической, консультатив-

но-терапевтической, коррекционной [5].

Несмотря на интенсивность проводимых исследований как в зарубежной и отечественной психологии, очевидно, что феномен толерантности к неопределенности обладает еще не до конца раскрытым потенциалом исследовательских разработок. Так, перспективное направление исследований открывается на основе выдвижения предположения, в соответствии с которым толерантность к неопределенности может выступить значимым условием психологической безопасности субъекта напряженной профессиональной деятельности. Это тем более актуально в связи с современным состоянием нестабильности общества в экономической, политической, социальной сферах. Деформированная потребность в психологической безопасности приводит к снижению удовлетворенности настоящим, к уничтожению уверенности в будущем, к разрушению целостности личности, росту страха и тревоги, снижению устойчивости к неблагоприятным воздействиям. Постоянное нахождение человека в состоянии стресса непосредственно влияет на его эмоциональный фон, здоровье, взаимоотношения с окружающими людьми, работоспособность, выносливость, способность успешно адаптироваться к новым условиям жизни. Все это обостряет потребность выработки у него на личностном уровне особого качества устойчивости к действию фактора неопределенности внешней и внутренней среды, которое можно обозначить термином «толерантность к неопределенности». Работа в этом направлении находится еще в начальной стадии, однако рассматривается перспективой ближайшей теоретико-эмпирической проверки.

Литература:

1. Быков, Е.С. Толерантность к неопределенности как характеристика инновационной личности [Электр. ресурс] // Актуальные вопросы современной психологии и педагогики. – Режим доступа: <http://www.sdort.ru/books/av-gorbenko/tolerantnost-k-neopred>.

2. Гусев, А.И. К проблеме измерения толерантности к неопределенности // Практична психологія та соціальна робота. 2007. №8. С. 75-80.

3. Зинченко, В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция // Вопросы психологии. – 2007. – №6. – С. 3-20.
4. Зотова, Е.Ю. Современные исследования толерантности к неопределенности в зарубежной психологии // Вестник НГУ. – 2009. – том 3. – выпуск 1.
5. Кондрашихина, О.А. Отношение к неопределенности в контексте профессиональной деятельности психолога [Электр. ресурс] // Психологические проблемы профессиональной подготовки психологов. – Режим доступа: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Go/2013_1/Kondrash.pdf.
6. Корнилова, Т.В. Неопределенность, выбор и интеллектуально-личностный потенциал человека // Методология и история психологии. – 2009. - №4. – С.47-59.
7. Корнилова, Т.В. Новый опросник толерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т.31. № 1. С. 74–86.
8. Корнилова, Т.В. Толерантность к неопределенности и интеллект как предпосылки креативности // Вопросы психологии. – 2010. – №5. – С.3-12.
9. Краснянская, Т.М. Психология самообеспечения безопасности: автореф. дис. ... докт. психол. наук. – Сочи, 2006. – 38 с.
10. Краснянская, Т.М., Тылец, В.Г. Понятийные ориентиры развития психологической безопасности личности в предметном поле современных исследований [Электр. ресурс] // GESJ: Education Sciences and Psychology. – 2013. – N1 (23). – P.59-64 (<http://gesj.internet-academy.org.ge/download.php?id=2109.pdf>).
11. Луковицкая, Е.Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: дис. канд. психолог. наук. СПб., 1998.
12. Матушанская, А.Г., Алишева, Б.С. «Толерантность к неопределенности и смежные психологические конструкты когнитивной психологии» // Ученые записки казанского университета. – 2011. – Том 153. – книга 5.
13. Солдатова, Г.У., Шайгерова, Л.А., Прокофьева, Т.Ю., Кравцова, О.А. Психодиагностика толерантности личности. – М.: Смысл,

- 2008. -172 С.

14. Тылец, В.Г., Краснянская, Т.М. Психология обучения иностранным языкам в контексте педагогических концепций и образовательной практики // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – №3. – С. 186-189.

15. Шалаев, Н.В. Адаптация методики исследования толерантности к неопределенности (кросс-культурное исследование) // Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Дипломная работа (на правах рукописи). – М., 2004.

16. Adorno, T.W., Frenkel-Brunswik, E., Levinson, D.J., Stanford, R.N. The authoritarian personality.– N. Y.: Harper & Row, 1950. – 990 p.

17. Bochner, S. Defining intolerance of ambiguity // Psychological Record. 1965. - Vol. 15. - P. 393-400

18. Budner, S. Intolerance of ambiguity as a personality variable // Journal of Personality. – 1962. - P. 29-50.

19. Dalbert, C. Die Ungewißheitstoleranzskala: Skaleneigenschaften und Validierungsbefunde // Hallesche Berichte zur Pädagogischen Psychologie. – 1999. – H. 1. – S. 1–25.

20. Frenkel-Brunswik, E. Intolerance of ambiguity as an emotional perceptual personality variable // J. of Personality. 1948. - Vol. 18. - P. 108-143.

21. Furnham, A. A content, correlation and factor analytic study of four tolerance of ambiguity questionnaires // Personality and Individual Differences, 1994. - Vol.16. №3. - P. 403-410.

22. Furnham, A., Ribchester, T. Tolerance of ambiguity: a review of the concept, its measurement and applications // Current Psychology. Fall 1995. - Vol. 14, Issue 3. - P. 179-190.

23. Hofstede, G. Culture's Consequences. USA: Sage, 1980. - 328 p.

24. Neuberg, S.L., Newsom, J.T. Personal need for structure: Individual differences in the desire for simple structure // J. Pers. Soc. Psychol. – 1993. – Vol. 65, No 1. – P. 113–131.

25. Viganola Rosa, D. L. Autoritarismo e intolerancia a la ambigüedad en la cultura mexicana, Mexico, D. F. // Tesis para obtener el grado de maestro en psicología. UNAM, 1986.

26. Weary, G., Edwards, J.A. Individual differences in causal uncertainty // J. Pers. Soc. Psychol. – 1994. – Vol. 67, No 2. – P. 308–318.

27. Webster, D.M., Kruglanski A.W. Individual differences in need for cognitive closure // J. Pers. Soc. Psychol. – 1994. – Vol. 67, No 6. – P. 1049–1062.

© М.А. Чагова, 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

К истории методов

УДК 159.953

РИСУНОЧНЫЙ ТЕСТ ВАРТЕГГА. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕТОДА

Н.В. Родина. Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова (Одесса, Украина), e-mail: nvrodina@mail.ru

Резюме. Тест незавершенных рисунков Вартегга – это проективная техника, являющаяся одной из наиболее популярных методик в Латинской Америке, странах Северной Европы, Италии и немецкоговорящих странах. Но в странах бывшего Советского Союза этот тест малоизвестен. В статье приводятся данные российских и украинских психологов, специализирующихся в данном тесте. Очерчиваются перспективы развития данного метода в будущем.

Ключевые слова: тест Вартегга, архетипы, российская психология, украинская психология, перспективы развития.

На современном этапе развития психодиагностики исследователи все чаще обращаются к неклассической и постнеклассической методологиям. Данные методологии дают теоретическое обоснование целостным методам оценки личности и завоевывают все более уверенные позиции в психологической науке. Мишенями психодиагностики постепенно становятся все более сложные психологические образования. В неклассической методологии особое место занимает проективная психодиагностика, отношение к которой на протяжении последних ста лет менялось достаточно сильно. Если при создании первых проективных тестов на них возлагались большие ожидания в отношении их способности описывать весь комплекс индивидуально-личностных особенностей, то в середине и конце XX века эта позиция сменилась жесткой (и зачастую неоправданной) критикой. В настоящее время, по нашему мнению,

преобладающим является прагматическое отношение к проективным тестам – уже достаточно четко ясны границы областей их применения. С одной стороны, уже не предполагается, что данные методики способны заменить психометрические опросники, с другой – нельзя игнорировать необходимость их использования при целостном описании личности, выявлении особенностей бессознательного, при обследовании лиц детского возраста и т.д.

Одной из наиболее незаслуженно обделенных вниманием проективных методик является рисуночный тест Вартегга – проективная техника изучения личности, с помощью начальных стимулов незаконченных рисунков побуждающая испытуемого завершить их. Тест относится к категории экспрессивно-конститутивных методов исследования личности, это техника незаконченного рисунка, дающая экспериментатору богатый материал для интерпретации.

Диагностическая цель теста – исследовать структуру личности во взаимосвязи с базовыми функциями эмоций, динамики, контроля взаимодействия с реальностью и т.д. Тест был создан австро-немецким психологом Эриком Вартеггом в 20-30-х годах XX века. Теоретическая основа рисуночного теста Вартегга – теория архетипов К.Г. Юнга, в соответствии с которой при тестировании в графическом содержании проецируются аспекты личности, связанные предположительно с коллективным бессознательным [7]. Опыт прошлого и настоящего проигнорированный или забытый может выходить наружу графически, раскрываясь в символических образах. Согласно юнгианским представлениям, коллективное бессознательное индивида является резервуаром латентных образов, это аспект первобытной психики, образы, которые человек унаследовал от своих предков. Таким образом, содержание коллективного бессознательного определяет поведение индивида. По К.Г. Юнгу коллективное бессознательное состоит из архаичных, изначальных элементов, называемых архетипами. В архетипах заключен опыт всего человечества, начиная от наших древнейших предков, предрасполагающий к

реагированию определенным образом на наш текущий опыт.

Согласно теории К.Г. Юнга, архетипы, уходящие своими корнями в первобытно-общинный период человеческой истории, открываются для анализа через их проекцию на надличностном уровне в виде образа. Согласно Юнгу, репрезентация образа связана с одной стороны со спонтанной активностью бессознательного, а с другой определяется текущей ситуацией и ее оценкой со стороны сознания. Ситуация стимулирует возникновение релевантных элементов скрытого материала и подавляет возникновение иррелевантного материала. Архетипический образ является, таким образом, отражением реакции на конкретную ситуацию, где работает как сознание, так и бессознательное.

Также, значительное влияние на создание рисуночного теста Вартегга оказали гештальт-психология, мистическая философия, философия целостности «Ganzheit», а также изобразительное искусство того времени. Данная проективная техника является одной из наиболее популярных методик в Латинской Америке, странах Северной Европы, Италии и немецкоговорящих странах. Но до сих пор в англоговорящих странах и странах бывшего Советского Союза этот тест малоизвестен. История создания методики и современное состояние разработки теста достаточно подробно отображена в двух относительно недавних статьях: *A Brief History of the Wartegg Drawing Test* «Краткая история теста Вартегга» Э. Ройвайнена [13] и *The Wartegg Zeichen Test: A Literature Overview and a Meta-Analysis of Reliability and Validity* «Рисуночный тест Вартегга: литературный обзор и мета-анализ надежности и валидности». Й.С. Горннерод и К. Гроннерода [10]. Тем не менее, в данных источниках отсутствуют данные об изучении теста в Советском Союзе и пост-советских государствах.

Таким образом, цель данной статьи – дать представление об исследованиях рисуночного теста Вартегга, проводимых в России и Украине и очертить дальнейшие перспективы развития методики.

В работах советских психологов рисуночный тест Вартегга вне связи с интерпретационными схемами, предложенными его

автором, использовался при исследовании психически больных В.М. Блейхером и И.В. Круком [1]. В современной отечественной психодиагностической практике рисуночный тест Вартегга стал активно использоваться благодаря вышедшему в 2004 году на русском языке переводу классической монографии Э. Вартегга «Уровневая диагностика» [2]. Редактор перевода В.К. Калинин под одной обложкой с этой монографией опубликовал свою оригинальную работу «Тест Вартегга (практическое руководство)». В данном руководстве автор отходит от классической уровневой схемы, предложенной самим Э. Вартеггом. Свою систему В.К. Калинин заимствует из монографии М. Реннер [12] и дополняет ее по другим источникам.

В интерпретации результатов теста Вартегга В.К. Калинин выделяет два основных компонента:

1. Интерпретацию формальных признаков выполненных рисунков. Она, в основном, такая же, как и для большинства рисуночных тестов и включает в себя основные признаки графомоторики, такие как качество штрихов, проведение штрихов, заполнение поверхности поля.

2. Интерпретацию содержания – анализ реакции испытуемого на стимульный материал, восприятие им символического и ассоциативного значения стимульных фигур теста, соответствующих решений и специфики выполненных рисунков. Кроме того, в содержательном аспекте анализируются последовательность выполнения, предпочитаемый и отвергаемый рисунок, а также шоковые реакции.

В Украине исследование рисуночного теста Э. Вартегга развивалось в рамках Одесской школы судьбоанализа М.И. Вигдорчика. Значительный вклад в изучение особенностей методики сделан автором данной статьи – Н.В. Родиной. Основным направлением научных поисков автора стало изучение совладания со стрессом с точки зрения символического содержания бессознательного личности.

Теоретической основой проводимых исследовательских работ явилось предположение о том, что бессознательные

тенденции личности в стрессовых ситуациях проявляются не только в виде психологических защитных механизмов, отражающих глубинную, неосознаваемую линию преодоления сложных ситуаций, но и в виде активизации определенных символических структур, преимущественно архетипического характера. Также была выдвинута гипотеза о том, что символическое содержание, присутствующее в индивидуальном бессознательном и являющееся фрагментом коллективного бессознательного, способно оказывать влияние на взаимоотношения между копинг-стратегиями и защитными механизмами [4].

Таблица

Интегральные параметры рисуночного теста Вартегга, описывающие исследованные кризисные ситуации

Уровнево-диагностическая функция	Кризисные ситуации	
	Угроза самоактуализации	Угроза витальным потребностям
Последовательность рисования	Межличностная гармоничность; Внешнеобвинительный стиль реагирования; Иррациональность.	Межличностная гармоничность; Способность к канализации агрессии; Неадекватность инстинктивных проявлений
Персеверативно-ассоциативная структура	Дисфоричность; Ориентация на внешнего наблюдателя.	Стремление предстать в выгодном свете; Экстраверсия
Структура рисунков (адекватность дополнения)	Дезадаптивность; Маскулинность	Декларируемая оптимистичность; Потребность в идентификации
Качественный профиль	Склонность к искаженному восприятию; Эмоциональная эмпатичность; Внутренняя расслабленность.	Интровертированность; Фемининность; Нечувствительность в общении.
Уровневый профиль	Эксцентричность; Склонность к жесткости; Конформность.	Отрицание конфликтов; Драматизация событий; Рефлексивность.
Характерологическая проекция	Фантазийная самореализация; Своеволие.	Инициативность; Обсессивность.

При разработке системной модели формирования копинга [6] особое внимание уделялось анализу подсистемы бессознательного, т.к. данная подсистема рассматривается как ключевая для всей системы копинг-поведения. Ввиду большого количества показателей методики (более ста), использовалась статистическая процедура снижения размерности данных - категориальный анализ главных компонент (параметры включались группами, в зависимости от их уровневой-диагностической функции).

В таблице представлен список интегральных переменных, позволяющих судить об основных характеристиках, выявляемых рисуночным тестом Вартегга при изучении поведения личности в кризисных ситуациях угрозы самоактуализации и в ситуациях угрозы витальным потребностям.

Указанные интегральные переменные показали свою высокую валидность при изучении формирования совладающего поведения и могут быть рекомендованы в качестве расчетных индексов для оценки соответствующих личностных характеристик в условиях кризисных ситуаций.

Еще одним направлением исследований являлось создание экспресс-варианта методики Вартегга. Более того, в условиях активно осуществляющейся компьютеризации психодиагностики, экспресс-методика была разработана таким образом, чтобы процедура тестирования по ней осуществлялась бы на ЭВМ. Итогом разработки явилась проективная техника, получившая название «Метод выбора архетипических символов» (МВАС) [5]. Стимульным материалом данной техники являлись восемь рисунков теста Вартегга, представляющие собой, расположенные на темном фоне квадраты белого цвета. Методика была встроена в программный психодиагностический комплекс Consul Integrator 2.5 [3].

Компьютерная экспресс-методика обнаружила высокую степень соответствия с классическим графическим вариантом теста. Обнаружены также значимые взаимосвязи между параметрами МВАС и показателями следующих методик: метод многостороннего исследования личности (ММИЛ), метод

портретных выборов Л. Сонди и метод цветowych выборов М. Люшера. Данные взаимосвязи в большинстве своем корреспондировали с теоретическими концепциями, на которых построены методики. С помощью данной методики ярко видны соответствия между совладающим поведением и символическим содержанием личности [5].

И, в заключение, хотелось бы очертить перспективы дальнейшего развития рисуночного теста Вартегга.

Во-первых, основным направлением является дальнейшая валидизация теста, поскольку валидность теста Вартегга значительно уступает таковой большинства опросников. Тем не менее, считается, что в перспективе возможно создание надежных и валидных индексов для данного теста, по аналогии с разработанными для теста Роршаха [13].

Во-вторых, актуальным представляется применение различных проективных подходов для создания интерпретационных схем рисуночного теста Вартегга. Итальянский исследователь А. Кризи является автором оригинального подхода к интерпретации рисуночного теста Э. Вартегга [9]. В частности, он сопоставил схему Э. Бома в отношении теста чернильных пятен Роршаха и рисуночного теста Вартегга и разработал новую методологию, которая подтвердила свою валидность на клинических и нормальных выборках общим объемом более 15 тысяч человек. На наш взгляд, большими возможностями обладает перцептаналитический подход З. Пиотровского [11]. Данный подход был применен автором по отношению к тесту Роршаха, и он может быть использован для методики Вартегга.

В-третьих, огромный потенциал имеет создание и применение различных версий методики. В настоящее время в литературе встречаются различные модифицированные варианты теста Вартегга, но немногие практические психологи используют его в своей работе. В частности, стимульный материал разработанного в Аргентине теста Вартегга-Вьедма-Д'Альфонсо [8] представляет собой 16 символов, первые восемь символов являются стандартными стимульными знаками из классической

методики. Остальные восемь символов являются оригинальными для данной методики и направлены на выявление ряда специфических особенностей архетипического содержания личности.

В-четвертых, важным аспектом является создание экспресс-методик на основании рисуночного теста Вартегга, в том числе и в виде компьютерных программ. Это позволит внедрить идеи, лежащие в основе данной методики, в более широкую психодиагностическую практику.

Литература:

1. Блейхер, В.М. Патопсихологическая диагностика / В.М. Блейхер, И. В. Крук. — К.: Здоров'я, 1986. — 280 с.

2. Вартегг, Э. Уровневая диагностика личности. Рисуночный тест Вартегга. / Э Вартегг, В.К. Калининко. — М.: Смысл, 2006. — 239 с.

3. Вигдорчик, М.И., Вигдорчик, М.Е., Псядло, Э.М. и др. Компьютерная автоматизированная психодиагностическая программа "КОНСУЛ-4". — Одесса: Информ. листок ОЦНТЭИ, 1997, №172-97.- 4с.

4. Родіна, Н.В. Особливості застосування тесту незавершених малюнків Вартегга для дослідження копінг-стратегій у підлітків / Н.В. Родіна // Актуальні проблеми психології. — 2007. — № 0(2). — С. 438-446.

5. Родіна, Н.В. Проективна експрес-методика, що заснована на стимульному матеріалі тесту Вартегга. Застосування у вивченні копіngu / Н.В. Родіна // Збірник наукових праць Інституту психології ім. Г.С. Костюка. Проблеми загальної та педагогічної психології. — 2010. — Т.12, Ч.2. — С. 247-257.

6. Родіна, Н.В. Психологія копінг-поведінки: системне моделювання: монографія / Наталія Володимирівна Родіна. — Одеса : видавець Букаєв Вадим Вікторович, 2011. — 364 с.

7. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. — М.: Ренессанс, 1991. — 304 с.

8. Biedma, C. J. El lenguaje del dibujo: Test de Wartegg-Viedma-D'Alfonso / C.J. Biedma, P.B. D'Alfonso. - Buenos Aires: Kapelusz, 1960. — 126р.

9. Crisi, A. Manuale del Test di Wartegg / A. Crisi. – Roma: Ma.Gi, 2007. – 365p.

10. Grønnerød, J.S. The Wartegg Zeichen Test: A Literature Overview and a Meta-Analysis of Reliability and Validity / J.S. Grønnerød, C. Grønnerød, //Psychological Assessment. – 2011. – Vol. 24, No. 2. – P.476–489.

11. Piotrowski, Z.A. Perceptanalysis: A Fundamentally Reworked, Expanded, and Systematized Rorschach Method / Z.A. Piotrowski. – New York: MacMillan, 1957 – 505 p.

12. Renner, M. Der Wartegg-Zeichentest im Dienste der Erziehungsberatung. / M. Renner. – München u. Basel: Ernst Reinhardt Verlag, 1975. – 59 s.

13. Roivainen, E. A Brief History of the Wartegg Drawing Test / E. Roivainen // Gestalt Theory. – 2009. - № 31. – P. 55-68.

©Н.В. Родина, 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

УДК: 159.9. 072

СТАНДАРТИЗОВАННОЙ МЕТОДИКЕ (ТЕСТУ)

Е.Ф. ЗАМБАЦЯВИЧЕНЕ 30 ЛЕТ

П.В. Сабанин. Институт психологии социологии и социальных отношений (ИПССО) Московского городского педагогического университета (Москва, Россия), *e-mail:* convergo@mail.ru.

Л.Ф. Чупров. Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири (Черногорск, Россия), *e-mail:* leo-chuprov@yandex.ru

Резюме. В статье описана история появления адаптированной для литовских детей стандартизованной методики (теста), ее апробации и адаптации на русскоязычной выборке, создания на этой основе самостоятельного инструмента «Словесные субтесты». Приведен подробный анализ неправильного использования и распространения, как

стандартизированной методики Э. Замбацявичене, так и «Словесных субтестов».

Ключевые слова: психодиагностика, младшие школьники, стандартизированная методика, тест, «словесные субтесты», дефектные инструменты.

Методика Э.Ф. Замбацявичене была опубликована в 1984 г. на страницах журнала «Дефектология» под названием «К разработке стандартизированной методики для определения уровня умственного развития нормальных и аномальных детей» [4]. Данная методика представляет собой адаптированный для литовских детей набор из четырех вербальных субтестов на основе четырех первых вербальных субтестов теста Р. Амтхауэра, и является стандартизированным тестом, направленным на диагностику уровня умственного развития (в данном случае только его вербального компонента) по суммарному индексному показателю. Методика построена на психометрической основе, где каждая из 40 проб имеет свою оценку успешности в диапазоне от 1,9 до 3,0 баллов. Часть заданий ориентирована на знания литовских школьников.

Согласно задумке автора: «В состав первого субтеста входят задания, требующие от испытуемых дифференцировать существенные признаки предметов и явлений от несущественных, второстепенных. По результатам выполнения некоторых задач субтеста можно судить о запасе знаний испытуемых. Второй субтест состоит из заданий, представляющих собой словесный вариант исключения «пятого лишнего». Данные, полученные при исследовании этой методикой, позволяют судить о владении операциями обобщения и отвлечения, о способности испытуемого выделять существенные признаки предметов и явлений. Третий субтест – задания на умозаключение по аналогии. Для их выполнения испытуемому необходимо уметь установить логические связи и отношения между понятиями. Четвертый субтест направлен на выявление умения обобщать (испытуемый должен назвать понятие, объединяющее два слова в каждом задании субтеста)» [4, с.29].

Э.Ф. Замбацявичене в общей сложности в процессе апробации было обследовано 2542 ученика и в дополнительном экспе-

рименте 150 учащихся литовских школ. Но на российской русскоговорящей выборке данная методика процедуры адаптации, апробации и стандартизации не проходила.

Здесь необходимо отметить, что при переносе тестов, разработанных иностранными специалистами, необходимо строго придерживаться требований психометрики. Зачастую реальные языковые и социокультурные различия бывают столь сильны, что полная эмпирическая адаптация иностранной методики по объему работы не уступает разработке оригинальной методики [11].

Стимульный материал методики Э.Ф. Замбацявичене был использован для создания нового диагностического инструмента – «Словесных субтестов», работу над которыми начала в том же 1984 году группа исследователей: Л.И. Переслени, Е.М. Мастюкова, Л.Ф. Чупров.

Стимульный материал – самая чувствительная часть любой из методик. Какие-либо изменения в ее части – есть новый диагностический инструмент. Столь же чувствителен и способ предъявления, т.е. сама процедура обследования. Различия в способах обработки существенно не изменяют «ядро методики», если они не противоречат исходному варианту. Способ предъявления (процедура обследования) диктует возможность последующей интерпретации получаемых экспериментальных данных. В свою очередь, и способ обработки получаемых в экспериментальном исследовании данных позволяет использовать тот или иной способ интерпретации результатов. Кроме того, при достаточно подробной фиксации данных предъявления методики и получаемых при этом результатов всегда имеется возможность так структурировать данные, чтобы они максимально способствовали выполнению поставленных перед исследованием задач. Применительно к «Словесным субтестам» их отличия в стимульном материале от методики Э.Ф. Замбацявичене не столь значительны, но самостоятельный статус диагностическому инструменту придает именно способ предъявления заданий. В свою очередь способ предъявления позволяет использовать разные варианты интерпретации получаемых с помощью методики данных. В

таблице 1 представлены основные отличия методик Э.Ф. Замбацавичене и «Словесных субъектов».

Таблица

Компонент	Методика и автор	Примечание
Стимульный материал	Э.Ф. Замбацавичене (1984).	Адаптирован регионально (применительно к знаниям жителя Литвы)
	"Словесные субъекты" по Л.И. Переслени, Е.М. Мастюковой, Л.Ф. Чупрову (1989) [9].	Адаптирован и апробирован на контингенте русскоговорящих детей (г. Москва)
Способ исследования	Э.Ф. Замбацавичене (1984).	Психометрический.
	"Словесные субъекты" по Л.И. Переслени, Е.М. Мастюковой, Л.Ф. Чупрову (1989).	Патопсихологический способ, предложенный Т.В. Розановой (1979) с вариантом стимулирующей помощи.
Обработка	Э.Ф. Замбацавичене (1984).	Суммарный показатель за все задания в целом.
	"Словесные субъекты" по Л.И. Переслени, Е.М. Мастюковой, Л.Ф. Чупрову (1989).	Суммарный показатель за все задания в целом. Баллы (с первой и второй попыток) по отдельным субъектам. Оценка уровня успешности по Т.В. Егоровой (1984). Структурирование профиля.
	"Словесные субъекты" Л.Ф. Чупров (1987; 1988; 1999).	Суммарный показатель за все задания в целом. Баллы (с первой и второй попыток) по отдельным субъектам. Оценка уровня успешности по Т.В. Егоровой (1984). Структурирование профиля.

Этот вариант уже прошел адаптацию и апробацию на русскоязычной выборке. Описываемая методика апробирована в экспериментальных и психодиагностических целях (Чупров, 1988; Фотекова, 1993; Переслени, Мастюкова, 1989; Чупров, 1987; 1988; 1990а; 1996; 1993; Фотекова, Чупров, 1995; Бухаркина, Чупров, 1996) [3; 9; 10; 12; 13; 14; 15].

Методика внедрена в практику работы Черногорской психологической службы (Хакасия), республик Коми, Тува, Кемеровской, Кировской, Тамбовской области и др., включена в программу подготовки специалистов психолого-медико-педагогических консультаций (Розанова Т.В., 1995) [10]. Методика и ее варианты, были выпущены в издательстве АГПИ (Абаканского государственного педагогического института) в виде методических рекомендаций и вошли в состав учебно-методического пособия, известного как ПДК («Психодиагностический комплекс») [8].

Надежность и обоснованность методики показана в работах: Переслени, Мастюкова, Чупров, 1989; 1990; Переслени, Чупров, 1989; Фотекова, 1993; Чупров, 1987; 1988; 1990; 1993; 1997; 1999; 2000; Чертыкова, Чупров, 1995 [5; 6; 9; 14; 15; 16; 17; 18].

Методика «Словесные субтесты» предназначена для исследования особенностей словесно-логического мышления детей младшего школьного возраста как отдельная психодиагностическая методика и как составная часть психодиагностического комплекса по Л.И. Переслени, Е.М. Мастюковой, Л.Ф. Чупрову (1990) – при диагностике состояний задержки психического развития, умственной отсталости, общего недоразвития речи, для отграничения этих состояний от нормы. Методика может быть использована, как показывает опыт ее применения черногорскими психологами, для диагностики школьной зрелости (Бухаркина, Чупров, 1996) [2], для изучения динамики умственного развития младших школьников [17]. Э.Ф. Замбацавичене не учла возможности повышения результативности при стимулирующей помощи (термин В.Л. Подобеда), т.е. при повторном предъявлении пробы: «Не правильно, подумай еще». Именно этот показатель оказался более чувствительным для отграничения детей с задержкой психического развития от нормы

и умственно отсталых, так как нарушения в регуляции познавательной деятельности, проявляющиеся в недостатках произвольного внимания, – один из центральных симптомов состояний задержки психического развития (Переслени, Мастюкова, 1989; Переслени; Мастюкова, Чупров, 1989; 1990; Чупров, 1987; 1988) [5; 6; 12; 13].

Методика «Словесные субтесты» измеряет пять основных показателей:

- оценка успешности решения словесных субтестов в целом (в абсолютных или относительных цифрах);
- уровень успешности в соответствии с градацией, предложенной Т.В. Егоровой (1984);
- показатель успешности выполнения отдельных субтестов: I (общая осведомленность); II (классификация); III (анalogии); IV (обобщения);
- результативность, при первой и второй попытках (качественный анализ);
- соотношение успешности, в отдельных субтестах к сумме за все четыре субтеста (структурный анализ).

В заключение необходимо остановиться на судьбе методики Э.Ф. Замбацявичене после ее публикации в журнале «Дефектология» [4]. В статье приведен стимульный материал и результаты его апробации на различных категориях нормальных и аномальных детей, но самой методики, в которой помимо стимульного материала есть еще по два-три варианта тренировочных заданий перед каждым субтестом, инструкции для экспериментатора и т.п. нет. И, по сути, русскоязычной версии такой методики просто не существует. Любое "додумывание" этой статьи до методики для практического использования – будет создание модифицированного ее варианта. Долгое время на этот инструмент никто не обращал внимание.

Началом «триумфального» продвижения теста послужила публикация В.М. Астапова (1994) [2]. В этой публикации были просто заменены две пробы: «литовский порт» на «город» (кстати, неудачная замена, т.к. такая проба просто не информативна у млад-

ших школьников), а литовские «имена-фамилия» на распространенные русские. Какой-либо апробации, адаптации и т.п. процедур по превращению перевода с литовского в методику, ориентированную на русскоязычную выборку, произведено не было. Также, в пособии В.М. Астапова просматривается связь с батареей ПДК, поскольку используется, хоть и в дефектном описании вариант методики «Угадайка» по Л.И. Переслени, В.Л. Подобеду, Л.Ф. Чупрову (1990) и попытка создания комплекса из трех методик.

Далее методика Э.Ф. Замбацявичене оказывается опубликованной у авторов, выступающих под псевдонимом «Римские, Р.Р. и С.А.» (1995) [1]. Здесь уже явно просматриваются «след ПДК» – Римские делают «кентавра» объединив стимульный материал теста Э.Ф. Замбацявичене с обработкой и оценкой результатов «Словесных субтестов». В итоге, на рынок психологической литературы вышла методика не прошедшая необходимых подготовительных процедур, более того, появились «кентаврические» варианты методики.

В заключение, обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что при переносе тестов разработанных иностранными специалистами, необходимо строго придерживаться требований психометрики. Зачастую реальные языковые и социокультурные различия бывают столь сильны и значительны, что полная эмпирическая адаптация иностранной методики по объему работы не уступает разработке оригинальной методики (Романова Е.С., 2008) [11].

Литература:

1. Альманах психологических тестов / сост.: Р.Р. и С.А. Римские. – М.: «КСП», 1995. – 400 с.
2. Астапов, В.М. Введение в дефектологию с основами нейро- и патопсихологии. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. – 216 с.
3. Бухаркина, О.Г., Чупров, Л.Ф. Особенности адаптации учащихся 1 класса в зависимости от уровня школьной зрелости /Актуальные проблемы подготовки специалиста в ВУЗе: материалы III республиканских Катановских чтений. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1998. – С. 72-73.

4. Замбацявичене, Э.Ф. К разработке стандартизированной методики для определения уровня умственного развития нормальных и аномальных детей // Дефектология. – 1984. – № 1. – С. 28-34.

5. Методики исследования интеллектуальной сферы личности школьников (методические рекомендации) / сост.: Л.Ф. Чупров. – Абакан; АГПИ, 1990. – 56 с.

6. Мышление. Словесные субтесты // Программа исследования детей на готовность к школьному обучению. – М., (без указания изд-ва и года издания: ориентировочно 1991). – С. 9-13.

7. Переслени, Л.И., Мастюкова, Е.М., Чупров, Л.Ф. Особенности словесно-логического мышления младших школьников в аспекте диагностики интеллектуальной недостаточности // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 1989. – Том 89. – Вып. 3. – С. 35-39.

8. Переслени, Л.И., Мастюкова, Е.М., Чупров, Л.Ф. Психодиагностический комплекс методик для определения уровня умственного развития младших школьников (учеб.-метод. пособие). – Абакан: АГПИ, 1990. – 68 с.

9. Психодиагностика особенностей словесно-логического мышления младших школьников (метод. рекомендации) / авт.-сост.: Переслени, Л.И., Мастюкова, Е.М., Чупров, Л.Ф. – Абакан: АГПИ, 1990. – 28 с.

10. Розанова, Т.В. Программы подготовки специалистов для ПМПК. Психологические основы диагностики и коррекции // Дефектология. 1995. – №4. – С. 82-89.

11. Романова, Е.С. // Психодиагностика. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2008. – 400 с: ил. – (Серия «Учебное пособие»)

12. Фотекова, Т.А. Сравнительное исследование особенностей познавательной деятельности при общем недоразвитии речи при задержке психического развития у младших школьников: автореф. дис. канд. психол. наук. – М.; 1993. – 17 с.

13. Фотекова, Т.А., Чупров Л.Ф. Лонгитюдные исследования в практике работы психологической службы школы // Актуальные проблемы подготовки, специалиста в педагогическом ВУЗе: Мате-

риалы II республиканских Катановских чтений В 2-х томах. – Абакан: Изд-во ХГУ, 1995. – Т. 2. – С. 14-15.

14. Чертыкова, И.П., Чупров, Л.Ф. Особенности словесно-логического мышления учащихся младшего подросткового возраста // Актуальные проблемы подготовки учителя в ВУЗе: (материалы II республиканских Катановских чтений). В 2-х томах. – Т. 2. – Абакан: Изд-во ХГУ, 1995. – Т. 2. – С. 16-17.

15. Чупров, Л.Ф. Особенности произвольного внимания и познавательной деятельности младших школьников с задержкой психического развития // Дефектология. – 1987. – № 6. – С.17-22.

16. Чупров, Л.Ф. Особенности произвольного внимания младших школьников с задержкой психического развития: дисс. ... канд. психол. наук. – М.: АПН СССР, 1988. – 165 с. (на правах рукописи).

17. Чупров, Л.Ф. Региональные аспекты использования вербальных заданий в психологической диагностике // Вопросы совершенствования подготовки учителя в ВУЗе: (Материалы I республиканских Катановских чтений). - Абакан: АГПИ, 1993.- С. 99-101

18. Чупров, Л.Ф. Методика «Словесные субтесты»: опыт доработки и применения //Журнал практического психолога. – 1997. – № 4. – С. 24-41.

© П.В. Сабанин, Л.Ф. Чупров, 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

— ● —

УДК 159.9.07

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ РЕКЛАМЫ И ПЛАКАТА В СОВЕТСКОЙ ПСИХОТЕХНИКЕ

Н.Ю. Стоюхина. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород),
e-mail: natast0@rambler.ru

Резюме. В данной статье рассказывается о методах

изучения эффективности воздействия плакатов и рекламы, использованные в работах и исследованиях советских психотехников 1920-1930-х гг. Психология воздействия была не так широко представлена в советской психотехнике, как вопросы профессионального отбора, профессионального консультирования, профессионального ориентирования молодежи, рационализация средств производства, но ученые Д.И. Рейтынбарг, Г.А. Ротштейн, Ф.Н. Барановский внесли свой вклад в обеспечение исследовательской практики изучения воздействия.

Ключевые слова: советская психотехника, психология воздействия, плакат, реклама, плакат по технике безопасности, устрашающий плакат, неустрашающий плакат, методы исследования.

В 1920-1930-е гг. советские психотехники активно занимались помимо профессионального отбора, профессионального консультирования, профессионального ориентирования молодежи, рационализацией средств производства, вопросами психологии воздействия. Основоположник этого направления психологии Г. Мюнстерберг, замечал, что психотехника, ставя перед собой чисто практические цели и влияя на все стороны практической жизни, является воздейственной психологией, т.к. должна осуществить какое-нибудь реальное изменение в изучаемой ею области.

Советских психотехников, в первую очередь, интересовало воздействие на поведение и сознание, осуществляемое посредством революционного, политического плаката, плаката по технике безопасности труда, рекламного плаката, а также объявления. Проблема методов изучения плаката с точки зрения его воздействия на потребителя не проста ввиду сложности самого предмета исследования: в рекламном/плакатном изображении в художественной форме сочетается изображение и текст. К тому же плакат важен не сам по себе, а только в связи с результатом его воздействия. Д.И. Рейтынбарг [10, с. 116], впервые в советской психологической литературе ставит вопрос об изучении плаката с точки зрения эффективности его использования как воздействующего фактора на личность зрителя. Под

эффективностью какого-нибудь мероприятия он предложил понимать «способность этого мероприятия достигать той цели («эффекта»), для которой оно предназначено. Когда мы говорим об эффективности плаката, то имеем в виду его назначение: насколько плакат справляется со своей практической задачей вносить те или иные изменения в поведение людей» [7, с. 67].

Проанализировав многочисленные зарубежные исследования, для эффективности плаката он предлагает учитывать «прямые» (практические) показатели и «косвенные» (психологические). «Показатели «прямые» (практические), т.е. показатели, определяющие эффективность плаката в терминах практического его применения. Если плакат призывает подписаться на заем, то эффективность его будет определяться количеством подписчиков. Если плакат торговый, то соответствующим показателем будет количество запросов и заказов. Для плаката по безопасности таким показателем может быть снижение количества несчастных случаев и т.д. Показатели «косвенные» (психологические) помогают определить эффективность плаката в терминах психологических, так как добываются эти косвенные показатели психологическими методами. Плакат – средство воздействия на психику человека и группы, массы людей. Мы можем, поэтому, с некоторым правом считать плакат эффективным, если он хорошо, положим, привлекает внимание зрителей, возбуждает их интерес, удерживается в памяти и т.п.» [7, с. 67]. Оба этих понятия достаточно условны, т.к., во-первых, прямые показатели не всегда даны (Д. Рейтынбарг указывает, что их нет для агитационного политического плаката), во-вторых, плакат никогда не выступает как изолированное и единственное средство воздействия, и поэтому эффективность его с трудом поддается учету.

Прямые показатели эффективности разработаны особенно тщательно в практике торговой рекламы, это и условные знаки, чаще всего слегка искаженные адреса, помещаемые в газетных и журнальных объявлениях (по количеству полученных заказов с такими адресами судят об эффективности объявления в той или

иной газете или журнале), и отрезные купоны, которые запрашивающий потребитель шлет фирме (купоны эти могут быть различного цвета и формы и служить, таким образом, показателем эффективности объявления в том или другом органе печати), и запрос самой фирмы заказчику или корреспонденту [7, с. 69].

Применение косвенных, психологических, методов изучения эффективности плакатов основывается специалистами на том предположении, что решающее значение для плаката имеют психологические процессы, активизируемые плакатом. «Для того, чтобы плакат достиг цели, нужно, прежде всего, чтобы он обратил на себя внимание, чтобы это внимание удержалось на плакате, чтобы содержание плаката было усвоено, чтобы оно крепко связалось с ассоциациями воспринимающего, возбудило бы в нем интерес и запало в память, чтобы, наконец, плакат возбудил в зрителе надлежащие эмоции, убедил зрителя и создал бы установку, благоприятную для предстоящего действия зрителя, или вызвал бы самое это его действие» [7, с.70]. Следовательно, если плакат не замечен, не прочтен, не запомнился и т.д., то он наверно не принесет никакой пользы. А если он и замечен, и прочтен, и усвоен, то он принесет пользу? Этот вопрос относится к плакату, к газетному и журнальному объявлению, к каталогу, к проспекту и т.д.

Прямыми (практическими) показателями эффективности пропаганды можно пользоваться лишь после того, как плакат/реклама/объявление напечатаны, т.е. деньги уже вложены. Оправдаются они или нет – неизвестно. Таким образом, прямые показатели – не прогностичны. Прогностичностью обладают косвенные методы определения эффективности пропагандистского материала.

На основании изученной обширной зарубежной литературы, Д.И. Рейтынбарг предлагает множество методов изучения эффективности влияния/воздействия плаката, рекламы: метод наблюдения, метод опроса, метод экспериментального опроса (описания), метод естественного эксперимента, исследование «зрительной фиксации», хронометраж, применение тахистоскопа,

исследование непосредственного («прямого») воспроизведения, «косвенное» исследование воспроизведения (парные ассоциации, пропущенные слова, готовые ответы), исследование узнавания, метод корреляции между различными методами исследования воспроизведения, исследование ассоциаций, методы «ранговой оценки» (непосредственная ранжировка, балльная оценка, групповая оценка, предварительная группировка, отбор наилучших, условный отбор, парные сравнения), статистическое изучение, «историческое» изучение, изучение реакций, изучение обстановки плаката.

А.А. Гайворовский (в то время работавший в Белорусском государственном университете) [9, с. 136], дополнил список методов изучения плаката методом психоаналитического наблюдения по Ф. Гизе и методом естественного эксперимента, которые близки по своим задачам – проникнуть в тот сложный комплекс подсознательных факторов и импульсов, которые в значительной мере руководят нашим поведением, когда «искусственно создаются условия, при которых личность испытуемого должна проявиться с той или иной стороны в различных формах поведения, но эти условия обычно подбираются из числа тех, что окружают его в повседневной жизни» [4, с. 105].

В грядущих революциях и войнах, в неутраченной классовой борьбе пролетариата, которые должны привести в движение огромные массы людей, плакату придавалось большое значение. Ввиду того, что союзником советских рабочих и крестьян должны были стать такие же рабочие и крестьяне разных стран – малообразованные или неграмотные – роль газеты и листовки ничтожна, а главным орудием печатной агитации явится плакат. «Плакат сыграет огромную роль и в той войне, которую Советскому Союзу придется – раньше или позже – вести с буржуазным миром. Организация общественного мнения, мобилизация внимания трудящихся вокруг выдвигаемых партией лозунгов, укрепление политико-морального состояния Красной армии, разложение армии противника, завоевание симпатий трудящегося населения воюющей с нами страны, – во всей этой работе революционный

плакат будет одним из важнейших орудий» [2, с. 161]. Все это делало своевременной постановку научного изучения воздействия плаката на рабочую и крестьянскую массу.

В целом ряде психотехнических работ содержатся иллюстрации конкретных решений прагматических задач: изучение мнения по поводу определенных плакатов на примере конкретной выборки. Выборка определялась задачами исследования. Методы исследования, продемонстрированные в данных работах, – очень популярное в то время анкетирование и наблюдение.

Статья двух молодых авторов, писавших для нужд политработы, Е.А. Болтина и В.А. Камского, о восприятии плаката характерна для конца 1920-х – начала 1930-х гг. Авторы, сотрудники политико-просветительной секции Государственного института научной педагогики, решили «выяснить, как воспринимает рабочая и крестьянская масса тот или иной агитационный плакат, и на основании этого установить, какой тип плаката больше всего отвечает задачам агитации в данной среде» [2, с. 162], для чего было проведено анкетирование среди крестьян-красноармейцев стрелковых частей РККА. Для проведения исследования были взяты плакаты почти с одной темой: «Что дал деревне Октябрь» и «Что мне дала Советская власть. Рассказ крестьянина» – с почти одинаковым содержанием.

Анкета выглядела так: 1. Нравится ли плакат или нет? Почему? 2. Опиши, что изображено на плакате? Что непонятно? 3. Правильно ли все изображено на плакате? Что неправильно? 4. Красиво ли нарисован плакат? Что некрасиво? 5. Что больше всего понравилось в плакате? 6. Откуда ты приходишь; из крестьян или рабочих? 7. Сколько налога уплатило твое хозяйство в прошлом году? 8. В какой школе и сколько лет ты учился? 9. Когда ты призван в Красную армию?»

Исследование проводилось в «красноармейской среде, представляющей собой несомненно передовую, активнейшую часть деревни, в среде поголовно грамотной, обладающей значительной партийно-комсомольской прослойкой и, наконец,

пробывшей около полугода в городе, в условиях систематического культурно-политического воздействия красной казармы» [2, с. 12]. Хотя оба плаката были выпущены для деревни, красноармейцы-бедняки недостаточно поняли второй плакат, и авторы предполагают, что в обычной крестьянской массе этот плакат был бы понят еще хуже, поэтому «серьезного внимания требует вопрос о классово-правильной установке изучаемых плакатов» [2, с. 12].

Е.А. Болтиным и В.А. Камским были сделаны выводы: основная масса крестьян оценивает плакат со стороны изображения: «красиво» – «некрасиво»; нужно ориентироваться на бедняцко-батрацкую часть крестьянства и подчеркивать коллективистический характер строительства новой деревни; молодые крестьяне (как раз наиболее общественно активная его часть), мало зная дореволюционную жизнь деревни, плохо понимают ее плакатное изображение, поэтому необходимо изображать прошлое осторожно и вдумчиво, без нарочитой карикатурности; для деревенского зрителя плаката непригодны аллегории и условности, изображения должны быть конкретны и реальны; общий стиль его – натуралистический.

Научный сотрудник изобразительного сектора Критико-библиографического института ОГИЗа (объединения государственных книжно-журнальных издательств) В.О. Верт описывает конкретный опыт своей работы. Изосектор Критико-библиографического института организовывал общественные просмотры плакатов на предприятиях, в казармах, в домах крестьянина, где зрителями выступали рабочие и колхозники – строгие и требовательные критики. После просмотра было обсуждение. Как пишет В. Верт, плакат, в котором лозунг изобразительно не раскрыт, не привлекает интереса массовой аудитории [3, с. 48]. Неубедительно, если художник изображает только отрицательные или положительные явления. Большой критике подвергается обычно типаж изображаемых на плакате рабочих, колхозников, красноармейцев (например, из-за слишком упитанной, гладкой шеи изображенного рабочего, схожести его с киногероем, бессильной ненависти и злобы на лице рабочего;

ударница похожа на жену кулака и торговку; пограничник не внушает доверия – «способен в случае опасности убежать с поста»). Зрителя – рабочего и колхозника, кроме содержания интересует и форма: «приевшиеся, трафаретные приемы плакатной техники, призывные жесты не нравятся зрителю; отвлеченная символика, голая аллегория также не встречают сочувствия» [3, с. 48], и цвета (не нравятся грязные блеклые тона), и подача различных производственных моментов: «рабочие требуют правильного показа технологического процесса и с обязательным раскрытием специфики социалистических форм труда, подчеркивающих темпы и качество, колхозники предъявляют особые требования к точной передаче техники производства» [3; с. 49]. Для В. Верта очевидно большое значение выявление непосредственного впечатления зрителя, и эту работу он призывает вести научно, организуя опыты по проверке качества воздействия на различные группы зрителей различных методов изобразительного решения темы. В условиях скученности и бытовой неустроенности большое значение имели санитарно-гигиенические навыки, поэтому санитарная пропаганда была приравнена к ликвидации неграмотности по своей важности и считалась важнейшей составляющей культурной революции.

Назначением санитарно-просветительного плаката было распространение медицинских знаний среди самых различных слоев населения, т.к. в условиях революций и Гражданской войны, страшным бичом являлись эпидемии сыпного и брюшного тифа, холеры.

Доктор М.Д. Карнаухов [10, с. 189] написавший много просветительских работ о гигиене, в одной из них описывает исследование, проведенное работниками Института санитарной культуры по изучению воздействия плаката на повышение санитарно-культурных навыков, причем «воздействие плаката было взято по возможности изолированно» [5, с. 289]. Бригада работала в нескольких многолюдных местах: столовая Центрального дома крестьянина, уборная клуба «Работница», мужская и женская уборные и буфет рабочего театра Бауманского

района. Темой исследования было мытье рук, бросание окурков и спичек на пол.

Плакаты представляли собой рисунки, построенные аппликационным способом и основанные на цветных комбинациях, текст – краткий императивный лозунг без всяких указаний на пользу или вред самого действия. Методом работы была простая регистрация всех проходивших и тех из них, кто производил интересующее действие (мытьё рук, бросание окурков и спичек). Регистрация производилась несколько дней при обычной обстановке учреждения, затем вывешивались плакаты и опять производилась регистрация (периоды времени были равные). Все исследование велось под постоянным наблюдением сектора наглядных методов Института санитарной культуры, и цифры являются вполне достоверными. Подводя итоги проведенной работы, М.Д. Карнаухов говорит, что императивный плакат, обращающий на себя внимание, «вывешенный в соответствующем месте, дает довольно значительный сдвиг в положительную сторону, если он обращен на определенное конкретное действие. Процент повышения положительного момента в некоторых случаях очень значителен» [5, с. 291]. Автор рекомендует в дальнейшем развить лозунг в плакате с объяснением необходимости положительного действия и вредности отрицательного, а также изменить и усложнить оформление плаката. Данные работы проводились не психотехниками, поэтому использование исследователями ограниченного круга методов – анкетирование, обсуждение, регистрация – вполне объяснимо. Психотехники же широко пользовались набором методического инструментария, известного им в то время.

Так, в 1925 г. Д.И. Рейтынбарг проводил опрос слушателей курсов по НОТ при выставке ВСНХ², в дальнейшем демонстрируя

² «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка» (ВСХВ) и действовала до 1941 года. Её предшественницей была «Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка», организованная в 1923 году в Москве на Воробьёвых горах. Выставка

перед аудиторией простейший эксперимент по изучению эффективности рекламы с учетом его результатов. Опрашиваемым нужно было за 3 минуты дать два названия рекламы, вспоминаемых без особых усилий. У женщин на первое место попала группа торгово-промышленных плакатов – 52% названий, на втором – общественно-политические – 27%, третье место занимают зрелища – 13%, на последнем месте – группа литературно-культурная, насчитывающая всего 8%. Внутри группы опрошенных мужчин общественно-политическое воздействие больше всего сказывается на рабочих (27%), меньше всего на служащих (11%). Торговая и промышленная реклама действует сильнее всего на учащихся (63%), на менее, казалось бы, покупательно-способную группу. За ними идут рабочие (54%) и служащие (55%). В зрелищах, наоборот, первое место занимают служащие (30%), а за ними на одинаковом почти расстоянии (11% и 12%) учащиеся. «Литература и культура» доходят в первую очередь до служащих-женщин (17%), затем идут учащиеся – мужчины (9%), служащие и рабочие – мужчины (по 8%) и учащиеся – женщины (5%) [6].

Среди некоторых особенностей советского потребителя рекламы Рейтынбарг отмечает женщин-потребителей: по данным иностранной литературы женщина в рекламе замечает мелочи и соответственно этому «надо ей, мол, преподнести специальную – “мелочную” рекламу» [6, с. 69]. Советская женщина «как будто “житейских” мелочей (торговля, зрелища) вовсе не замечает, ее внимание заполнено исключительно общественностью и политикой» (6; с. 69).

В начале 1930-х гг., работая с энтузиазмом над созданием плакатов по технике безопасности, психотехники отметили

вновь открылась лишь в 1954 году после реконструкции. В 1959 году комплекс был перепрофилирован и получил новое название — «Выставка достижений народного хозяйства СССР» (ВДНХ СССР). В 1992 году комплекс получил своё нынешнее название «Всероссийский выставочный центр» [Прим. ред.].

чрезвычайно важную проблему при их восприятии: рабочие по-разному воспринимали изображения устрашающие, воспроизводящие реальные ситуации несчастных случаев, и неустрашающие, предупреждающие, информирующие об опасности. Блестящие примеры методического доказательства своей гипотезы, подкрепленного экспериментом, представлены в статьях Д. Рейтынбарга, И. Макарова, Г. Ротштейна и Ф. Барановского. Интересно, что эти работы выполнены одним методом – методом зрительной фиксации, но авторы все равно приходят к различным выводам. Ф. Барановский же использует в данном случае метод анкетирования рабочих после экспозиции изображений. Тщательно спланированные и проведенные экспериментальные исследования делают их актуальными и сегодня.

Психотехники Д. Рейтынбарг и И. Макаров под методом зрительной фиксации понимают ограниченное, углубленное объективное наблюдение, когда наблюдающий учитывает, на котором из данных объектов или его элементов наблюдаемый фиксирует свой взгляд. «Положения, на которых построен метод, таковы: 1) из двух (или нескольких) объектов мы фиксируем свой взгляд на том, который привлекает наше внимание или возбуждает наш интерес; 2) из двух (или нескольких) объектов, на которые мы смотрим, мы дольше задерживаем взгляд на том, который для нас привлекательнее или интереснее» [8, с. 17]. После проделанной работы авторы приходят к следующим выводам: продолжительность рассматривания отрицательных плакатов больше рассматривания положительных; относительная разница в продолжительности рассматривания отрицательных плакатов различными группами испытуемых незначительна; запоминаемость отрицательных плакатов значительно выше, чем положительных: у служащих в 1,5, у рабочих в 3,5, в общем в 2,5 раза; расположенные на периферии поля зрения испытуемых однородные по содержанию и начертанию цифры лучше запоминались в связи с отрицательными плакатами. «Отсюда: отрицательный плакат в отношении степени воздействия на

внимание (аттрактивность) и запоминания при прочих равных условиях предпочтительнее положительного» [8; с. 22]. Сотрудник отдела психологии труда Государственного научного института охраны труда Г.А. Ротштейн [10, с. 281] повторяет эксперимент Д.И. Рейтынбарга и И. Макарова с целью уточнения его результатов, используя тот же метод зрительной фиксации.

После эксперимента автор объявил, что не придает методу зрительной фиксации решающего значения в определении эффективности устрашающего и неустрашающего плаката, т.к. «этот вопрос требует дальнейшей углубленной проработки, изучения того, как эти плакаты, преломляясь через моторно-волевую сферу, действуют непосредственно, однако считаем, что наше исследование дает право сделать некоторые общие выводы. Основным из этих выводов является то, что эффективность плаката не есть “сила в себе”, а зависит целиком от среды, в которой плакат действует» [9, с. 369], от стажа рабочих, от степени подготовки их по технике безопасности, от постановки дела плакатной пропаганды, от профессии. Окончательно на этот вопрос должен дать ответ эксперимент, построенный на принципе реактивной методики, который позволил бы учесть эффективность плаката в терминах практической или хотя бы искусственно воссозданной работы.

Автор считает, что опытные рабочие реагируют на устрашающий плакат слабее, чем на неустрашающий, хотя понятно, что эмоциональный тон плаката в значительной степени увеличивает его эффективность, и рекомендует обращаться к эмоциональным стимулам более высокого порядка, чем изображение несчастного случая – к политико-экономическому и производственно-политическому содержанию.

Ф.Н. Барановский, психотехник из института «Нефтебезопасность» (Баку) [10, с. 254], пожалуй, как никто другой из исследователей, попытался поставить изучение воздействующего эффекта плаката по технике безопасности на точную экспериментальную основу. В схему постановки опытов по психологическому анализу плаката вошли: исследование области

восприятия цвета и формы у рабочих (исследование степени привлечения внимания основными геометрическими фигурами, исследование тонкости различения цветов, исследование степени привлечения внимания различными цветами, исследование влияния контрастного сочетания цветов на легкость восприятия); исследование восприятий надписи у рабочих (влияние пространственного расположения надписи, величины букв, однородности шрифта, количества слов надписи и смыслового оформления надписи на легкость восприятия); исследование влияния эмоционального тона плаката на эффективность его восприятия (влияние эмоционального тона на восприятие плаката с легким и тяжелым несчастным случаем); исследование влияния смыслового (сюжетного) построения плаката на эффективность его восприятия (изображение на плакате причины-следствия несчастного случая и производственной обстановки на плакате); исследование эффективности цельного восприятия плаката [9]. Ф. Барановский со своей ассистенткой в течение года (июнь 1930 г. – июнь 1931 г.) провел широкомасштабные, тщательно спланированные и методически выверенные эксперименты по каждой позиции, которые частично подтверждали выводы коллег, но, в основном, дали новые данные, значительно расширив психотехническую практику.

Еще в 1925 г. Д.И. Рейтынбарг, начинавший работать по изучению плакатного и рекламного воздействия, ссылаясь на западноевропейскую и американскую теорию и практику, высказывает пожелание по скорейшему изучению этого вопроса, которую можно поручить авторитетному в области прикладной психологии лицу или учреждению, поставив на хозяйственные начала при заинтересованном учреждении или предприятии, и «материальная выгода такого изучения не замедлит сказаться на успехах самого предприятия» [6, с. 69]. Работа советских психотехников по изучению воздействия плаката на зрителя, начатая в 1920-1930-гг., обогатила психологию новым содержанием: были предложены и включены в практику новые методы и методики исследования восприятия изобразительного

материала, был начат анализ восприятия одного и того же материала различными социальными группами. К сожалению, эти исследования были прерваны Постановлением ЦК ВКП(б) 1936 г. и продолжены через несколько десятилетий.

Литература:

1. Барановский, Ф. Психологический анализ элементов плаката по технике безопасности // Психология – 1932 – № 1-2. – С. 89-144.

2. Болтин, Е.А., Камский, В.А. О восприятии политического плаката красноармейцами-крестьянами // Вопросы педагогики. – 1929. – № 5–6. – С. 160-83.

3. Верт, В. Плакат в оценке массового зрителя // Бригада художников. – 1932. – № 6. – С. 46-49.

4. Гайворовский, А.А. Основы психотехники политпросветработы (для библиотек, клубов, педтехникумов, школ взрослых и др. учреждений политпросвета). – Минск, 1928.

5. Карнаухов, М.Д. К вопросу об изучении эффективности плаката // Советская психотехника. – 1932. – № 4. – С. 289-191.

6. Рейтынбарг, Д.И. Наша реклама (Опыт летучего опроса) // Время. – 1925. – № 11. – С. 66-69.

7. Рейтынбарг, Д.И. Плакат по безопасности труда в СССР и за границей. – М., 1931. – 240 с.

8. Рейтынбарг, Д., Макаров, И. Изучение эффективности положительного и отрицательного (устрашающего) плаката по безопасности // Психотехника и психофизиология труда. – 1931. – № 1. – С. 16-22.

9. Ротштейн, Г.А. Плакат в системе пропаганды безопасности труда в горной промышленности // Советская психотехника. – 1932. – № 4. – С. 301-302.

10. Стоюхина, Н.Ю. История советской психотехники: психология воздействия: учеб. пособие. – М.: Логос, 2012. – 324 с.

© Н.Ю. Стоюхина, 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

***Психология на распутье:
конструктивизм, теология, философия науки***

УДК: 159.9:001.

**КОНЦЕПЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ
И ПРИНЦИПЫ КОНСТРУКТИВНОЙ
ПСИХОЛОГИИ
(ОТ ИНТРОСПЕКТИВНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ К
КОНСТРУИРОВАНИЮ ЗНАНИЯ)**

Е.И. Головаха. Институт социологии НАН Украины (Киев, Украина),
e-mail: golos100@gmail.com

А.А. Кроник. Институт каузометрии LifeLook.Net (Бефесда, США),
e-mail: Doctors@lifelook.net

В нашем сообщении предпринята попытка реконструировать познавательный процесс, который привёл к разработке причинно-целевой концепции психологического времени. Согласно данной концепции, психологическое время – это форма переживания человеком структуры причинно-следственных и инструментально-целевых отношений между событиями жизненного пути³. Хотя проведенная нами реконструкция имеет преимущественно интроспективный характер, социокультурный контекст сыграл определённую роль и в создании концепции и в гносеологических выводах. Наряду с социокультурным, существовал также микросоциальный контекст, связанный со спецификой общения и взаимодействия разработчиков концепции. Учитывая, что современное научное творчество всё более тяготеет к коллективным формам, начнём с анализа предпосылок

³ Основное содержание концепции, как и её философский смысл, изложены в книге [1]. Методы, разработанные в рамках концепции, достаточно широко используются в психологии [4].

возникновения самого феномена сотворчества.

На собственном опыте авторы концепции убедились, что для этого необходим, прежде всего, интерес к одной предметной области (в нашем случае – проблема времени) при возможном несовпадении конкретных аспектов (один из соавторов основную проблему времени видел в парадоксальности переживаний настоящего, другой – в противоречивости чувства возраста). Общим источником этих интересов стал, как нам сегодня кажется, контраст двух периодов социокультурного развития общества, на стыке которых формировались и сами исследователи психологического времени: обещающее много перемен динамичное время начала 1960-х годов и застывающее статичное время последующего десятилетия. От формирования независимых индивидуальных интересов к проблеме времени (**1 этап**) прошло около десяти лет до начала **2 этапа**, когда будущие соавторы стали сотрудниками одного философского учреждения и попытались компенсировать отсутствие общего мнения о предмете исследования общим стремлением к уходу от идеологизации психологических проблем. Нетерпимость к инакомыслию, распространённая в широком социальном окружении, особо благоприятствовала развитию творческого поиска в диаде, атмосфера которой отличалась интересом к взаимодополняющим представлениям и корректным отношением к взаимоисключающим. В этой атмосфере появился и первый научный результат: была создана гипотетическая модель переживания времени, основанная на синтезе двух существующих в психологии подходов – "квантового" и событийного. Таков был **3 этап** формирования концепции психологического времени. И он принёс её создателям чувство глубокого разочарования, понятное, наверное, всем, кто "новое вино пытался влить в старые меха", решая нерешённые ранее проблемы старыми средствами. В этой кризисной ситуации специфика микросоциума оказалась как нельзя кстати. Соавторство позволяло не только утешать друг друга, но и стимулировало диалог, дополняющий индивидуальные поиски истины.

Следующий, **4 этап**, начался с того момента, когда, вместо квантов настоящего и отдельных событий, исследователи вдруг увидели во времени множество причинных и целевых межсобытийных связей, которые стали в последующем единицами измерения психологического времени. Первоначальным критерием истинности возникшей картины человеческого времени был эстетический. Она радовала глаз: связи событий прошлого и будущего образовывали то самое психологическое настоящее, которое казалось неуловимым или несуществующим. Эта картина находила подтверждение в эмпирических проверках (**5 этап**), однако не во всех случаях. С помощью тонких методических приёмов были предприняты попытки превратить найденную закономерность в универсальный закон (**6 этап**), но окончательно редуцировать богатство переживаний времени к одному универсальному механизму не удавалось. Дух естествоиспытателей протестовал против индивидуального многообразия психической жизни, не укладывающегося в одну даже самую изящную конструкцию. Так что же, отказаться от неё, если она не универсальна? Или, может быть, познание психической реальности это не только её описание, объяснение, воссоздание, но и создание несуществовавшего ранее или существующего в форме отдельных прецедентов? В обсуждении этих вопросов (**7 этап**) авторы пришли к идее конструктивной психологии [2; 3], основными принципами которой стали:

1. *Опережающее развитие психологического знания по отношению к существующим психическим явлениям.* Это означает акцент на конструировании нового в психике человека, а не на описании и объяснении старого. Задача учёного состоит в разработке альтернативных моделей развития психики человека.

2. *Эвристичность несоответствия конструируемых и существующих психических образований.* Это означает принципиальную фальсифицируемость конструктивного психологического знания (наличие противоречащих ему фактов в момент его выдвижения). Фактом конструктивной психологии является созданный намеренно или обнаруженный прецедент,

который является как бы зародышем нового в развитии психики.

3. *Гуманистическая направленность психологических новообразований.* Это означает, что создаваемые новые механизмы человеческой психики должны быть такими средствами познания и регуляции, которые доступны самоконтролю со стороны личности и не подвластны внешнему манипулированию.

Некоторые психологические инструменты саморазвития, созданные на основе идей конструктивной психологии, доступны на сайте Института каузометрии: www.LifeLook.Net

Литература:

1. Головаха, Е.И., Кроник, А.А. Психологическое время личности. 2-е изд., испр. и дополн. М.: Смысл, 2008. (1-е изд. - Киев: Наукова думка, 1984).

2. Головаха, Е.И., Кроник, А.А. Конструктивные функции психологии // Психологический журнал, 1989, том 10, №6, с. 24-33.

3. Головаха, Е.И., Кроник, А.А. Себе и другим // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл. 1997, с. 92-110.

4. Кроник, А.А., Ахмеров, Р.А. Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. 2-е изд., испр. и дополн. М.: Смысл, 2008.

© Е.И. Головаха, А.А. Кроник, 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

ПСИХОТЕОЛОГИЯ: ПОПЫТКА НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ⁴

А.И.Зеличенко. Институт Высшей Психологии, Сетевой проект,
russkiysvet@yandex.ru

Резюме. Психология и теология сегодня связаны мало между собой. Конечно, все религиозные психологи и все психологи, специализирующиеся в психологии религии, чувствуют ненормальность такого положения, однако пропасть между психологией и теологией не становится от этого меньше. Попытка обсуждения этой взаимосвязи предпринята в предложенном читателю очерке.

Ключевые слова: психотеология, христианство, Евангелия.

Распространенное мнение состоит в том, что Библия имеет только один истинный смысл. В реальности же смыслов много; доступ к каждому из них определяется, во-первых, своим уровнем духовного развития читателя, а во-вторых, культурой, в которой читатель был воспитан. Статья раскрывает один из внутренних слоев многослойной семантической структуры Библии – слой, в котором христианство предстает как стратегия сознательного духовного развития, преобразующего психику и сообщающего ей новые (Божественные) свойства. С этих позиций рассматриваются центральные понятия христианства «Бог», «Христос», «вера», «Царство Небесное», «спасение», «грех», «покаяние», «воскресение», «любовь» и показывается, как теология, соединяясь с психологией развития, образует новую дисциплину – психотеологию, богословие будущего христианства, которому предстоит продолжить линию истории, когда переход человечества на новый уровень духовного

⁴ Ранее опубликовано под названием "Psychotheology: Christianity as a Science of Spiritual Development and Developing Christianity" [7, 87-103]

развития приводил к появлению новых христианств, опирающихся на одни и те же тексты Писания.

Введение: предчувствие будущего

Психология и теология сегодня связаны мало. Конечно, все религиозные психологи и все психологи, специализирующиеся в психологии религии, чувствуют ненормальность такого положения, однако пропасть между психологией и теологией не становится от этого меньше. Причина существования этой пропасти проста: теология и психология формировались в разные эпохи как продукты очень разных культур. Более того, психология формировалась внутри атеистической культуры. Но в истории каждая культура живет только какое-то время, рождая культуру-наследницу, которые во многих отношениях отличается от материнской культуры [1]. Так первые христианские культуры, внутри которых сформировалась классическая теология, родили атеистическую культуру, одним из плодов которой стала научная психология. И точно так же сегодня атеистическая культура беременна будущей культурой, облик которой мы пока можем представить себе только очень смутно.

Сегодня развитие психологии религии, трансперсональной психологии, психологии духовности (или «высшей психологии») [2] показывает, что профессиональное сообщество начинает преодолевать атеистическую онтологию и позитивистскую философию науки, прокладывая путь для будущей единой науки о душе, человеке, духовном мире и Божественном – науки, в которой новая психология и новая теология будут не отдельными дисциплинами с отдельными предметами, а двумя подходами к одному предмету.

Важнейшей чертой новой психологии будет ее философская база: новая онтология, в которой реальный мир больше не будет ограничен тем, что мы способны воспринимать при помощи пяти органов чувств, и в которой «идеальный», тонкий мир будет не менее реальным, чем мир материальный, и новая антропология, видящая человека обитателем не только «грубого», вещественного, но и тонких миров. Более того, новая антропология поймет, что человек не только живет, но что он делает свою часть *мировой работы* – работы, которая развивает его и поднимает с низших на

высшие уровни бытия. Поэтому новая психология будет, прежде всего, психологией развития.

Что же касается новой теологии, то новая онтология и новая антропология дадут ей средства для понимания более глубоких смыслов Писания. Эта теология станет теологией Пути человека к Богу – развития человека, преобразующего природу человека. Таким образом, это будет психологическая теология, психотеология. Статья набрасывает некоторые контуры этой будущей науки.

Гносеологические замечания

Любое обсуждение теологических вопросов в контексте современной мысли может быть продуктивным тогда и только тогда, когда участники этого обсуждения имеют общее понимание смысловой многослойности Писания, то есть понимание того, в общем, самочевидного факта, что Писание имеет много смыслов, доступ к которым зависит от духовного уровня читателя. Другими словами, то, что понимает более развитой духовно человек, недоступно для менее развитого, точно так же, как понимание математической монографии специалистом недоступно для непрофессионала: то, что для одного человека доступно (экзотерично), от другого скрыто (эзотерично) [3].

Одни и те же слова Писаний как бы шифруют его значения: текст – это «код» с рядом ключей, каждый – от своего смыслового слоя, то есть от специфичного именно для этого ключа значения текста. Конечно, по большей части это метафора: по крайней мере многие (если не все) смысловые слои «отпираются» без математических методов дешифровки. Настоящий ключ к скрытым значениям – это личный опыт, необходимый для понимания этих значений, и соответствующий интеллектуальный уровень и уровень знаний. По мере роста опыта и ума человек открывает в Писаниях такие смыслы, которые были полностью закрыты для него раньше. Вообще говоря, многие эту особенность религиозного знания понимают: знают, что священник понимает больше шестилетнего ученика воскресной школы. Но простейший факт, что то же справедливо не только в отношении индивидуального знания, но и в отношении группового, то есть, что люди более высокой культуры

понимают Писания лучше людей отсталых культур, в силу многих причин осознается, мягко говоря, не очень хорошо. Тем не менее, это точно такой же факт: иногда атеистическая культура понимает религиозные тексты, которые она несправедливо отвергает, лучше, чем те же тексты понимались архаическими религиозными культурами, которые воспринимали их совсем по-детски. Но здесь нужно подчеркнуть, что *лучше* не значит *хорошо*, и лучшему пониманию Писаний более высокой культурой нужно стать еще лучше, то есть перейти от простого отрицания того, что вычитывали в религиозных текстах люди старых культур и что не имеет смысла для современного человека, к раскрытию глубинных смыслов, которые современному человеку с его кризисами потери смысла необходимы как воздух (в самом буквальном смысле слова).

Онтологический абрис

Обсуждение психологического смысла евангелий требует существенного пересмотра онтологии современной науки. Без этого ключевое понятие «развитие человека» не может быть понято. Речь идет не столько об открытии новых фактов, сколько о новом видении известных фактов – видении, которое помогает открыть Божественное в нашей жизни и без мистического опыта, и без пылкого воображения. Я буду описывать эту онтологическую картину, следуя [3] (главы 11-13) и [2] (глава 2).

Идеи и существа

То, что религия называет богами, ангелами, бесами, метафизика именуется идеями. Мы переживаем встречи с этими существами как наши мысли, желания и чувства: бесов – как темные и эгоистичные, мелкие мысли и желания; контакт с ангелов – как яркие и большие.

В нашей культуре мы привыкли разделять понятия «существо» и «идея», но такое разделение – это только привычный для нас способ видеть мир, который, как и все наши способы видеть мир, определен культурой. При другом же способе смотреть на мир нам достаточно вспомнить биографию идеи германского нацизма или русского коммунизма, вспомнить, как эти идеи разрушили миллионы жизней, чтобы увидеть в этих идеях огромных монстров, чьи

тела были составлены из десятков миллионов тел отдельных людей.

Мы также привыкли думать, что идеи – это всего лишь мысли, рожденные человеческим интеллектом. В определенном смысле, это так и есть, но только если мы говорим о простых, «маленьких» идеях. Однако стоит нам обратить внимание на происхождение больших идей, которые «открывают» одновременно многие люди, чтобы понять, что реальность гораздо сложнее: ни гуманизм, ни тот же фашизм не были изобретены одним человеком.

Идеи и души

Жизнь мира в целом и жизнь каждой его частички – непрерывное движение. Мало того, это не только непрерывное, но и вполне ОПРЕДЕЛЕННОЕ движение: каждая вещь в мире движется ОПРЕДЕЛЕННЫМ ОБРАЗОМ. Этот ОПРЕДЕЛЕННЫЙ ОБРАЗ – идея движения, или, другими словами, идея жизни движущейся вещи. Таким образом, мы можем сказать, что идея, или программа движения вещи как бы оживляет эту вещь. В этом смысле, идею можно считать, причиной или душой движения. Другими словами, «идея» и «душа» – просто разные имена одной сущности, первое – из философского, а второе – из религиозного лексикона.

Может показаться, что идея дает движению только информацию, в то время как источник энергии движения находится где-то еще. Но разделение энергии и информации – тоже только наш стереотип мышления, когда мы придаем своим способам восприятия мира статус реально существующих в мире безотносительно к нам (онтологизируем собственные гносеологические реалии): не существует ни движения без его информационной схемы, ни движения без энергии. Система сил, которая определяет характер движения «снабжает» его и энергией, и в то же самое время программой.

Дерево Мира

Взгляд на идею-душу как на систему управления вещью позволяет легко заметить, что чем сложнее живая вещь, тем сложнее ее душа и тем более она многослойна – многоуровневая. Для управления движением простой, безжизненной вещи достаточно

одноуровневой системы управления. Для управления более сложной живой вещью нужен еще один уровень. Для управления еще более сложной вещью, обладающей психикой, нужен еще один уровень, и так далее.

Самая большая идея самой большой вещи в мире, то есть идея самого мира насчитывает очень много уровней. Эта Идея подобна дереву: от ствола – Первопричины – ответвляются толстые ветви, от них другие – потоньше, и так далее вплоть до листьев на самых тонких веточках. Эти листья-феномены растут на причинах феноменов, которые, в свою очередь, растут из «причин причин» и т.д. Другими словами за миром феноменов есть мир причин, мир причин причин и т.д. В этих мирах человек и те, с кем он взаимодействует и взаимосвязан, образуют одно существо, объединенное и в этом смысле созданное идеей такого взаимодействия. Эта «большая», общая идея – их общая душа, которая содержит в себе их отдельные, «малые» души. Самая большая идея, которая содержит весь Мир, может быть названа Идеей Мира. Без Нее мир не был бы даже хаосом – его просто не было бы. Чтобы *быть*, мир должен быть *каким-то*: это *какой-то*, определяющее, какой мир есть, – Идея Мира.

Когда человек не видит Идеи Мира, которая объединяет и просто-таки создает Мир, он видит не сам Мир, а только «кусочки мира», видит кукол, но не видит ни реальных актеров, ни, тем более, Режиссера и Автора Пьесы. Конечно, он видит не только листья, но замечает и некоторые тончайшие веточки, но – не все Дерево Мира как целое.

Жизнь Мирового Дерева – пульсация. Дерево дает ростки – от очень крупных ветвей до совсем мелких листочков – а эти ростки «возвращают себя» Дереву, подобно тому как листья питают обычное дерево. Дерево сначала разрастается ветками и листьями, а затем вновь сжимается, выбирая из выросших веток и листьев квинтэссенцию их жизней. Эту пульсацию можно увидеть в двух ракурсах: в первом ракурсе – как реализацию Мировой Идеи, а во втором ракурсе – как жизнь Мирового Существа: Всемирной Организация всех существ, или Мирового Организма, в котором в каче-

стве Его органов (или клеток) *все* существа взаимосвязаны и взаимодействуют.

Первый ракурс. Подобно тому как любое большое дело состоит из множества дел помельче, а те – из еще более мелких, так и Самое Большое Дело – Мировая Идея – рассыпается необозримым множеством «дочерних», «внучатых» и так далее идей. Так устроена Иерархия идей. Дочерние идеи – это этапы реализации материнской. Их реализация нужна материнской *зачем-то*. Дочерняя идея получает это *зачем-то* как замысел, который ей предстоит сначала *развернуть* – во-плот-ить, сделать плотным, грубым, а затем *свернуть* – извлечь из грубого воплощения его тонкую квинтэссенцию – смысл, и вернуть этот смысл материнской идее, чтобы та реализовывалась дальше.

Второй ракурс. Каждую идею реализует свое существо. И поэтому Мировая Иерархия идей оказывается в то же время и Мировой Иерархией существ. Во главе Иерархии стоит Верховное Существо – Творец Всего. В Иерархии старшее существо как бы продлевает себя младшими – создает младшее, чтобы то «работало на него». Творение начинается с души – «зародыша» будущего существа. Этот тонкий зародыш растет, «обрастает плотью и кровью», а затем развоплощается – прожившая свою жизнь душа обогащается смыслом прожитого и возвращается к своему создателю. Так Мировое существо живет жизнью своих клеток. Все наши жизни – части Жизни Мира. Все, что мы делаем, делает Мир.

Человек-творец

В значении, используемом в этой статье, понятие «душа» шире, чем «психика», потому что не только человек, но каждая вещь мира – от вселенной до электрона – обладает идеей этой вещи, то есть его душой. Однако душа человека и психика человека – почти синонимы. Незначительные различия, связанные с происхождением этих понятий в религии или психологии, для нас не существенны. Таким образом, мы можем проверить любой вывод из излагаемой «теории» через самонаблюдение на собственном, хорошо знакомом нам опыте. Более того, хотя схема «воплощение-осмысление» абсолютно универсальна: «так весь мир вертится» –

от космических до микроскопических процессов, наиболее четко она видна в психической жизни человека. Люди именно так решают свои задачи: пробуют что-то, потом оценивают – а что же получилось, и если получилось «нехорошо», пробуют дальше. И при этом они творят новых существ. Например, президент своим указом создает министра. Конечно, и до президентского указа был и пост министра, и человек NN. Но NN не был министром. Существо «министр NN» сделал президент. Когда NN перестанет устраивать президента, то есть когда президент получил от него все что можно, NN отправляют в отставку. Это смерть. Конечно, не смерть человека NN, но смерть созданного президентом «министра NN».

Я боюсь собак и на прогулке подбираю палку. Так из своего страха я создаю сначала замысел – «мне нужно средство обороны», а затем из этого замысла – и новое существо, Палку-Пугалку. Палка-Пугалка живет не до тех пор, пока палка сломается, а пока я ее не выброшу за ненадобностью, убедившись, что никаких собак нет. Но я могу и не выбросить палку, а «похоронив» Палку-Пугалку, начать использовать ту же палку как посох, создав таким образом другое существо – Палку-Опиралку.

Творить новых существ можно не только из внешнего материала, но и из себя самого. Когда я решил писать эту статью, я создал внутри себя, из себя новое существо – «автора этой статьи». Теперь этот автор следит, чтобы статья продвигалась, и время от времени создает себе помощников, например «авторов разных разделов», которые «умирают», сделав свое дело. Вообще, всякий раз, когда нам приходит в голову та или иная идея, мы рождаем существ, которые будут эту идею реализовывать: пойдут в кино, будут писать статью или начнут создавать новую партию.

В человеке есть и такие «внутренние люди», которые созданы не им самим, например «нежный отец» и «жестокий начальник». Это те, кого Гурджиев и Успенский называют «множественные Я» [4], а Ассаджоли – «суб-личности» [5]. Из-за них человек часто кажется противоречивым. Они почти так же самостоятельны и «отдельны», как самостоятельны и «отдельны» разные люди. Конечно, у них общее физическое тело. Но у двух пильщиков дров

тоже общая пила.

Впрочем, я зря похвастался. Замысел «моей» статьи «витают в воздухе». Об этом свидетельствует многочисленность публикаций о приходе новой религии. И «автора этой статьи» создал не только и не столько я. Он, как и существа «авторы других похожих статей», создан этой витающей в воздухе идеей. Она, эта идея, тоже существо, и очень плодovitое существо. Она уже написала тысячи текстов. И все мы, авторы этих текстов, в своем служении этому существу становимся его «руками».

От Создания к Создателю

Возврат дочерней ветви к материнской, создания к создателю – это слияние душ. Душа-родитель получает состарившуюся душу ребенка. Младшая душа кончается как отдельная сущность, но она продолжается «внутри» старшей (родительской) души. Для душ, наделенных самосознанием – чувством своего «я», своей идентичности, это означает полное отождествление с создателем.

Как и все другие существа, человек тоже реализует замысел своего Создателя, чтобы преображенным вернуться к Нему и вернуть Ему смысл проделанной работы.

Работа человека слишком большая, чтобы успеть сделать ее за одну жизнь. Вот почему умершие часто кажутся такими неуспевшими, неокончившими. Человеку нужно больше времени. Поэтому на пути от Создателя к Создателю он проходит через ряд этапов, из которых жизнь – от рождения до смерти – только один. Смерть – это не конец человека, а конец одного воплощения, когда человек «теряет человеческий облик». Смерть превращает человека в другое существо: грубо говоря, человек сбрасывает одни, пришедшие в негодность оболочки и претерпевает разного рода метаморфозы, связанные с таким «раздеванием».

В чем правы отрицающие бессмертие. В принципе ничто не мешает ограничивать существование человека одним воплощением. Если мы считаем создателем человека его собственную «душу души», его «высшее Я», тогда, в самом деле, после смерти человек возвращается к своему создателю. Это дело вкуса – как определять идею человека: как идею всей цепочки превращений или как идею

только одного ее звена, одного этапа пути. Во втором случае, упрощая его идею, мы сокращаем век человека и, по сути, низводим его до такого же существа, как умирающий на выпускном балу Школьник (его «похороны» и вносят в выпускные празднества отенок грусти). За свою жизнь мы переживаем и хороним множество таких существ. Как ни странно, это не так важно – считать ли человека смертным или бессмертным. Важно понимать, во-первых, что мы связаны с Миром, а во-вторых, *как* мы связаны с Миром.

Нижняя душа и Высшая Душа. Шкала яркости психических состояний

«Составные части» психики различаются своей удаленностью от ствола Мирового Дерева, то есть Верховного Существа, Центра Души Мира. Это расстояние соответствует широте сознания: чем шире сознание, то есть чем больше часть мира – количество вещей мира и количество связей между ними – которые человек отражает в данном состоянии, тем ближе это состояние к Центру Души Мира, или, используя другую образную систему, тем выше и ярче это психическое состояние.

Шкала высоты (яркости) психических состояний поднимается от полуживотных состояний простейших ощущений (голода или боли) через более и более сложные состояния к таким сложным состояниям, как разработка управленческих стратегий или решение математических задач и продолжает свой подъем еще выше к состояниям, которые можно назвать «над-эстетическими», или «религиозными». В «Свете Жизни» я разделил эту шкалу на шесть зон: «черные», «синие», «зеленые», «желтые», «оранжевые» и «красные» состояния.

Первые четыре зоны покрывают почти все состояния повседневной жизни современного человека. «Желтые» состояния включают впечатления от классической музыки, состояния, в которых ученый работает над статьей или менеджер высшего звена принимает решение о развитии своей компании и т.д. В «желтых» состояниях интуиция обострена, человек видит себя объективно и видит большие группы, в которые он включен – свою страну, свое поколение, свое профессиональное сообщество и т.д. В этих со-

стояниях он может переживать светлую грусть или грустную иронию...

Так как более яркие состояния соответствуют более высокому социальному статусу, четыре группы психических состояний могут быть названы по именам ступеней в военной, академической или какой-то иной карьере, например, «первоклассник» («черные»), «старшеклассник» («синие»), «аспирант» («зеленые»), «профессор» («желтые»).

Общий принцип увеличения яркости от черных к желтым состояниям может быть проиллюстрирован следующим примером. Одна из важнейших задач, с которой сталкивается любой человек, – побудить более сильного («начальника», то есть того, кого невозможно просто заставить) сделать то, что этот более сильный делать не хочет. Как решают эту задачу в разных состояниях?

В «черном» состоянии – просто потребовать: «Дай!»

В «синем» состоянии – добиться занудливым повторением просьбы (как это делает чеховская «беззащитная женщина»).

В «зеленом» состоянии – объяснить, почему это нужно сделать.

В «желтом» состоянии – создать ситуацию, когда «начальник» просто вынужден это сделать.

«Желтые» состояния самые высокие только среди «обычных» состояний, которые переживаются хотя бы изредка большинством взрослых членов современного развитого общества. Верхние – «оранжевые» и «красные» – состояния встречаются реже. Вдохновение, просветление, откровения и другие формы Высшего религиозного опыта принадлежат к этой группе. Это над-эстетические, или религиозные состояния, которые знакомы только наиболее духовно развитым людям. В этих состояниях человек теряет чувство своего Я как того, что отделяет его от мира. Он испытывает Всезнание и полное самоосознание как одно интегральное сверхчувство. Но в нашем языке мало средств для описания высших состояний, особенно потому, что их «компоненты» так тесно связаны между собой, что любая аналитическая попытка их декомпозиции ведет к выхолащиванию главного содержания высших психических состояний.

Таким образом, мы можем видеть нечто вроде лестницы, по которой человек поднимается к Богу – точно такая, о которой говорил Иоанн Лествичник. Лестница состоит из «частей» души разной высоты (яркости).

Большой Человек и метакультуры

Человечество можно рассматривать как существо, жизнь которого похожа на жизнь отдельного человека. Человечество так же получает свою идею от своего создателя и после ее реализации возвращается к создателю. Эта идея – Идея Истории, которая объединяет всех людей, делая их «побратимами в Истории». Для того, чтобы реализовать Идею Истории Большой Человек, проживая свою жизнь (историю), создает себе помощников, или «детей» – метакультуры.

Отражение в Писаниях

Различные элементы описанной выше картины Мира можно легко найти в скрытых значениях любого Священного текста, индуистского, буддистского или исламского, но приведу несколько примеров таких «подтверждений» из наиболее знакомой нам Библии.

«Являлся Я Аврааму, Исааку и Иакову с [именем] `Бог Всемогущий', а с именем [Моим] `Господь' (в оригинале יהוה (Яхве) – А.З.) не открылся им» (Исход 6:3) – это один из многих, но может быть также одно из наиболее ясных указаний на наличие в Библии множества смыслов и на тот факт, что Бог открывает себя людям постепенно: то, что было неизвестно отцам, открывается детям. Ниже несколько примеров такой смысловой множественности.

Ханаан, Земля обетованная. Действительно, это территория Палестины. Но это и та Преображенная, Обоженная Земля – Божий сад, – какой ей надлежит стать в результате всей Истории. Эта Земля нам пока только обетована, но мы туда еще не пришли. О том же притча о блудном сыне (от Луки, 15:11-32). Человечество как целое, как и каждый человек в отдельности – такой сын, оставивший Отцовский дом, чтобы вернуться туда после того, как долгий путь сделает его умнее.

Суббота. Тоже, кажется, просто – день недели, когда запре-

щено работать, день обязательного отдыха. Но суббота – еще и бескровная жертва каждого седьмого дня своей жизни Богу. А еще это символ вечного покоя завершения человеческого пути и символ Вечного Покоя завершения, а точнее, перерыва в Работе Бога – то, о чем менее аллегорически рассказывает индийская космология с ее Мировыми Циклами.

Обрезание. Казалось бы, что может быть ясней – хирургическая операция по удалению крайней плоти. «Божьих людей» таким образом отмечают, подобно тому как клеймят скот. Но уже Моисей чаще и чаще говорит об обрезании сердца: об удалении черствости и обнажении сущностной сердцевины – Любви к Богу (Второзаконие 10:16, 30:10). Это продолжается и после Моисея: «Обрежьте себя для Господа, и снимите крайнюю плоть с сердца вашего» Иереям 4:4) и «В Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым» (Колоссянам 2:11). Это уже тот самый глубокий смысл обрезания, который в «Изумрудной скрижали» назван «отделением тонкого от грубого»: человек поднимается к Богу и несет Ему свои самые тонкие смыслы и чувства («благоухание приятное», Исход 29:18); эта идея проходит через всю Библию, начиная с «Освящайте себя и будьте святы» (Левит 20:7). Отделение глубоких смыслов Библии от поверхностных – это тоже обрезание.

Пожалуй, самое таинственное и самое многосмысленное понятие в Библии – это «Бог». Библия наполнена противоречиями, когда она говорит о Боге. Например, кто разговаривает с Иаковым – ангел или Бог: «Ангел Божий сказал мне во сне: Иаков! Я сказал: вот я. Он сказал: возведи очи твои и посмотри: все козлы, поднявшиеся на скот, пестрые, с крапинами и с пятнами, ибо Я вижу все, что Лаван делает с тобою; Я Бог [явившийся тебе] в Вефиле, где ты возлил елей на памятник и где ты дал Мне обет (Бытие 31:11-13)? Или – с Моисеем «И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста... и воззвал к нему Бог из среды куста» (Исход 3:2-4)? Человек не может видеть лица Бога (например, «сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исход 33:20), но Иаков

видел Бога «я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя» (Бытие 32:30), а Авраам не только встречался, но и спорил (!) с Богом (Бытие 18). И это не единственный спор человека с Богом: Моисей (Исход 32:9-14) *заставил Бога (!) изменить Его (!!)* решение: «И отменил Господь зло, о котором сказал, что наведет его на народ Свой» (Исход 32:14). Впрочем, обратим внимание и на то, что намерение Бога сделать *зло* само по себе звучит абсурдно. В первой главе «Бытия» Бог – всемогущий создатель Вселенной. Если так, то зачем Ему доказывать что-то египтянам («узнают Египтяне, что Я Господь, когда простру руку Мою на Египет» (Исход 7:5) и (что еще более кощунственно) соревноваться с египетскими чародеями? Почему Бог в Библии наделен многими человеческими чертами и не лучшими: гневливость, ревность и даже – трудно произнести – тщеславие? Подобными чертами могут обладать олимпийские боги, но не индийский Брахма или гегелевский Абсолютный Дух.

Таких вопросов очень много и удовлетворительный ответ на них только один: в Библии слово «Бог» (или точнее, ряд имен, связанных с понятием «Бог») используется для называния многих сущностей и существ, образующих верхние уровни Мировой Иерархии – и Создателя Вселенной, и Создателя Земли, и Создателя человечества, и Бога евреев и т.д. Бог в Библии (во всяком случае, в ее внешнем, поверхностном смысловом слое) – это «коллективный образ», в котором соединены черты многих реальных существ. Христианское понятие «Троица» отчасти отражает эту семантическую множественность.

Смысл Евангелия

Скрытые смыслы Евангелия могут быть поняты только в контексте психологии развития, потому что центральная евангельская идея – это идея развития человека. Иисус говорит об этом прямо: *Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный* (от Матфея 5:48). Ту же мысль он повторяет постоянно, говоря о Царстве Небесном, которое «внутри вас» (от Луки 17:21). Вот это и есть Главное в Евангелие – знание о пути к Богу.

Что означает *Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш*

небесный? У человека среди различных более низких и более высоких «частей» его души есть зародыш Высшей души, который может (а раз может, то и должен) развиваться и стать Высшим Человеком – Человеком, который сопричастен Богу. Высшая душа соединена, или, даже лучше сказать, слита с Высшим Миром, с Богом. В евангелиях Высшая душа, Высший Человек назван Христом. (Конечно, это второй, скрытый смысл слова «Христос».)

Человек – Божий работник на Земле, в Божьем винограднике (от Матфея 20:1). *Да придет Царствие Твое... и на земле, как* (это уже есть. – А.З.) *на небе* (от Матфея 6:10) – вот цель его работы. Но чтобы Царство Божие пришло на Землю, Оно должно прийти в души людей: *Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть* (от Луки 17:20-21). Без царства Божьего внутри никакого другого Царства Божьего быть не может. Царство Божие внутри – это и есть «направление главного удара».

Для работы по превращению Земли в Царство Божие человеку даны определенные инструменты: физическое тело и низшая психика – наиболее плотные слои души. Работая, человек набирается опыта и сил и, образно говоря, продвигается по служебной лестнице – из разнорабочего становится станочником, потом мастером, инженером и так далее. При этом одни инструменты перестают быть ему нужны, а нужными становятся другие: от носилок он становится к станку, вместо молотка вооружается калькулятором. Так человек заменяет свои низшие орудия более высокими – становится умнее и умелее. Сначала он считает на пальцах, потом складывает столбиком, потом «в уме». Когда нужно что-то узнать, сначала спрашивает родителей, потом роется в книгах, потом начинает экспериментировать. Когда хочется чего-то, что ему не дают, сначала плачет, потом начинает «канючить», потом учится хитрить и, наконец, начинает понимать, что без предмета вожделения можно и обойтись. Человек постоянно из более низкого делает более высокое: из «низшей психики» – «высшую».

Понятия «низшее» и «высшее» относительны: то, что сегодня

для нас высшее, завтра, после того как мы откроем в себе более высокое, перестает быть высшим. Но подъем ко все более высокому психическому не бесконечен. Как и у любой другой, у этой лестницы есть верхняя ступень – Абсолютно Высшее. Абсолютно Высшее – это уже не психика; это выше психики. Это и есть та Высшая душа, которая в евангелиях названа Христом. А подъем от низшей психики через все более и более высокую к Высшей душе – это и есть христианский Путь.

Поднявшийся к Высшей душе обретает Христа и таким образом Спасается. Спасение выводит о-креп-шую (сделанную при жизни *крепкой*, как в «Боже святой, Боже крепкий...» или *и возлюби Господа Бога твоего... всю крепостию твою* (от Марка 12:30)) Высшую душу из «плена» низшего, «плотского» мира, мира низшей психики, «мира страданий» в другой мир – Царство Небесное.

Но для этого сначала нужно закончить работу на земле. Вот почему, чтобы Спасти, нужно погубить низшую душу, «умереть». И *Кто станет сберегать душу свою, тот погубит ее; а кто погубит ее, тот оживит ее* (от Луки 17:33); и *Кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее* (от Матфея 16:25); и *Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную* (от Иоанна 12:25) – все это об одном: о необходимости распять в себе человека, чтобы стать Богом. Гибель души – это гибель низшей души. Потеря низшей души – не утрата, а обретение – обретение Высшей. Поэтому и *Если... не будете как дети* (то есть не обремененными низшей душой – А.З.), *не войдете в Царство Небесное* (от Матфея 18:13) или даже еще более сильно *Блаженны нищие духом* (от Матфея 5:3). «Нищие духом» значит люди без всего, что составляет низшую душу – мнений, желаний, стремлений и т.д.

Растущий человек все время заменяет низшие части своей души более высокими. Поэтому к старости большинство становится мудрее и добрее. Но весь Путь к Христу очень долгий и трудный. Гибнет низшая душа частями: сначала – одна часть, затем другая. И все они гибнут только тогда, когда проживут свою жизнь до конца,

то есть когда человек закончит, перерастет их. Но если такие части души, как вера в Бабу-Ягу, живут недолго, то жизнь других ее частей (таких, как мечтательность или вспылчивость) бывает очень долгой. И только после похорон множества низших душ, которые в свое время были высшими для других, еще более низких, на вершине всего этого многоярусного могильника расцветает цветок Высшей души.

Евангелия называют нижние части души грехами, а главное оружие против грехов – покаянием. *Я пришел призвать... грешников к покаянию* (от Марка 2:17; от Луки 5:32); *покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (от Матфея 3:2); *и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах* (от Луки 24:47). Грехи – это не только «плохое поведение» (это поверхностный и в значительной степени детский смысл слова «грех»), грехи – это все содержание нижней души, то есть то, что нами уже освоено, то, к чему мы привыкли – привычные мысли, способы реагирования, просто привычки, в общем, все наши ментальные стереотипы. В свою очередь, покаяние – это не просто мысль о том, что я плохо поступил; такая мысль, в лучшем случае, только первый шаг на долгом пути покаяния. Настоящее покаяние это полное осознание «плохого» поведения вместе со всеми его корнями. Достичь такого полного осознания можно только в конце очень долгого и очень тяжелого (особенно вначале) пути.

Этот путь настолько долг и труден, что поневоле возникает вопрос, а можно ли вообще пройти такой длинный Путь? Евангелия отвечают неоднозначно: с одной стороны, *Кто же может спастись? ...человекам это невозможно* (от Матфея 19:25-26), но с другой - *Богу же все возможно* (19:26), и хотя *Никто не может придти ко Мне, но только если то не дано будет ему от Отца Моего* (от Иоанна 6:65). Здесь намек на главное Средство, которое выпрямляет этот длинный и извилистый Путь, где маленькие успехи чередуются с большими поражениями. Это Средство – *Любовь к Богу: Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь* (от Матфея 22:37, 38) (Марк (12:30) и Лука

(10:27) добавляют очень важное *и всю крепость твою*, то есть всю твою *окрепшей* Высшей душой. Любовное Соединение с Богом на языке психологии можно назвать осознанием Высшей души. Осознать Высшую душу – значит прилепиться своим низшим «я» к Высшему «Я». Любовь к Богу – это стремление к Нему, памятование Его и желание как можно более полного соединения с Ним. Выращивание *сознательно* любящей Бога части души, которая постоянно стремится к Этому Соединению, важный этап Пути.

Кульминацию христианского Пути символизируют два главных евангельских чуда: Преображение, то есть обретение Иисусом способности по своей воле находить своего Христа, или, другими словами, преображаться из Иисуса в Христа; и Воскресение – переход окрепшей Высшей души, которая закончила свою работу, к существованию вне тела.

Вера – это опытное, лично пережитое знание Христа, Высшей души. Это совершенно особое психическое (или, точнее, надпсихическое) состояние. Верить – значит открыть в себе Христа, Высшую душу – и тем самым стать Христом. Другими словами, Вера и Христос – одно и то же. И совершенно естественно, что Вера наделяет человека немислимыми (Божественными) способностями – движет горы, даже будучи величиной с горчичное зерно (от Матфея 17:20).

Путь к большой Вере проходит через множество маленьких вер, которые, сменяя одна другую, становятся все ярче. Но даже дальние подступы к Вере, когда Она еще только-только начинает брезжить, как солнце в густом тумане, – это очень яркие для нас состояния – «потолковые» для современных людей.

Разные христианства

Такая интерпретация христианства не нова. Конечно, приведенные формулировки в значительной степени мои, но эти смыслы можно встретить в работах многих христиан – как восточной, так и западной ветвей христианства, например, у Исаака Сирина, у Симеона Нового Богослова, у Бонавентуры, у Экхарта, у Григория Паламы, у Терезы Авильской. Но, хотя все это и *написано*, пока мы

только-только приближаемся к тому, чтобы евангелия могли быть хоть сколько-нибудь массово так *прочитаны*.

Огромная идея христианства посеяна в наших душах очень высоко, в сверхсознании. Это то, что роднит всех христиан и что делает христианство близким и древним полудикарям, и современным интеллектуалам. Но, спускаясь вниз, в сознание разных людей, эта Идея взаимодействует с разными культурами и «одевается» в доступные этим культурам формы, создавая в результате разные христианства: с разными мироощущениями и с разными религиозными культурами... А уж дальше каждый человек преломляет христианство своей культуры через себя. Так, не умея передать словами Главное, мы выхватываем из огромного Христианства свое маленькое христианство – понимаем слова, освященные традицией, так, как мы способны их понять. Но, хотя люди и не могут выразить Истину христианства словами, она все равно ведет их по жизни в одном и том же Направлении. Только – к разным «промежуточным станциям»: безжалостных – к состраданию, трусливых – к бесстрашию, ленивых – к служению, темных – к образованию, образованных – к мудрости...

Различия между разными христианствами часто настолько сильны, что бросаются в глаза даже человеку, мало искушенному в тонкостях церковной жизни. Одних христиан привлекает пышность церковного убранства, а других отвращает; одни плачут, услышав орган, другие – хоровое пение, а третьих любая музыка раздражает. Одних пространство церкви должно уносить вверх, других – вдаль, а третьим необходима теснота без всякой протяженности. Одним нужно, чтобы здание собора своим величием напоминало им о Боге, даже когда они смотрят на него издалека. А другим это совсем ни к чему. И поэтому одни строят огромные соборы, другие – крошечные церквушки, а третьи – сказочные теремки. И тот, кто молится на иконы в тесной церквушке, не может молиться «голым стенам» огромного собора. Есть христиане, для которых в службе важно не столько единение с Богом, сколько единение с себе подобными. Им мешают неверующие в храме, потому что они разрушают атмосферу собора, общности. А другим совершенно не

важно, кто находится рядом, так как они целиком сосредоточены на проповеднике: им нужен направляющий перст – что делать, как жить, и главное для них, чтобы проповедь была хороша. Кому-то необходимо распластаться перед Богом в молитве и биться лбом о пол. Кому-то – целовать иконы и неистово креститься. А кому-то даже стоять неудобно. И тут дело не в боголюбии или искренности веры – Вера может быть у сидящего на мягкой скамейке и Ее может не быть у совершающего сотню поклонов за службу. За всеми этими различиями стоят разные мирочувствования.

Вот оно-то – мирочувствование – и заставляет душу резонировать с теми или иными словами Писания. Одних потрясают чудеса, других – заповеди, третьих – Путь к Богу, четвертых – ужасы геенны и возможность купить избавление от нее. У одних наворачиваются слезы от *Любите врагов ваших* (От Матфея, 5:44), а у других сжимаются кулаки от *Не мир я принес, но меч* (От Матфея, 10:34). У одних душа поет при *Святится имя Твое* (От Матфея, 6:9) и *Твое есть Царство и сила и слава вовеки* (От Матфея, 6:13), у других – при *Да будет воля Твоя* (От Матфея, 6:10). Для одних главное – *Избавь нас от лукавого* (От Матфея, 6:13), для других – *Прости нам долги наши* (От Матфея, 6:12), для третьих – *Да придет Царствие Твое* (От Матфея, 6:10).

Мы различаем обычно только некоторые христианства, например католичество и православие. А ведь не только греческое христианство непохоже на французское, но и испанское христианство совсем не такое, как мексиканское, да и от итальянского испанское христианство отличается существенно.

Мы привыкли думать, что христианство всегда было одинаковым и ничем не отличалось от нашего христианства. Мы привыкли думать, что пришел Христос и принес религию христианства, которая сохраняется и сейчас, через две тысячи лет. Но это только наша привычка. На самом деле сегодняшнее христианство и христианство двухтысячелетней давности – это совсем разные христианства. Мы сами стали совсем другими, и, по мере того как менялись мы, менялись и наши христианства. Христианство сирийца 2-го века было не таким, как христианство вестгота 7-го века, христи-

анство палестинца 8-го века – не таким, как христианство француза 10-го века, а христианство испанцев 12-го века – не таким, как христианство русских 16-го. Более того, христианство итальянцев 20-го века совсем не такое, как христианство итальянцев 13-го века, – и не в том смысле, что верующих стало меньше, а в том смысле, что верующие стали другими.

Более того, это значит, что изменения в христианстве еще не завершены. Новое, будущее христианство грядет. И оно ждет своих апостолов.

Психотеология и будущее христианство

Теология, опирающаяся на психологию, а именно на высшую психологию (психологию духовности), которая и есть единственная настоящая психология развития, открывает двери для появления нового христианства. Конечно, слово «новое» не означает ни того, что этого христианства не было раньше, ни того, что раньше не было христиан, которые жили такой христианской жизнью. «Новое» означает массовое распространение психологического понимания христианского учения и рождение новой христианской культуры, которая не будет противопоставлять себя таким отраслям современной культуры, как искусство и наука, но будет сотрудничать с ними (а иногда и вести их) в общем деле совершенствования человека. Более того, это новое христианство сможет закрыть пропасть не только между наукой и религией, но и между западным и восточным христианством. «Алгоритм» решения последней задачи может быть только одним: (а) извлечение глубинных смыслов христианства, которые в обеих христианских традициях закрыты множеством более поверхностных культурных пластов; (б) очистка этих смыслов от архаических форм их представления; и (в) создание новых форм выражения этих смыслов («мехов новых»). Первые шаги в этом направлении делаются уже сегодня (например, [6]) и они определенно будут продолжены.

Литература:

1. Зеличенко, А.И. Свет Жизни, М: Открытый Мир, 2006, текст есть на сайте russkiysvet.narod.ru

2. Зеличенко, А.И. Психология духовности, М: Изд-во транс-персонального института, 1996, текст есть на сайте russkiysvet.narod.ru

3. Зеличенко, А.И. Разговоры ученого с Учителем, М: Изд-во трансперсонального института, 2000, текст <http://lib.ru/URIKOVA/ZELICHENKO/razgowory.txt>

4. Успенский, П.Д. В поисках чудесного, СПб: Издательство Чернышева, 1992, текст <http://psylib.org.ua/books/uspen03/index.htm>

5. Ассаджоли, Р. Психосинтез: теория и практика, М: REFL-book", 1994, текст psylib.org.ua/books/psyntez/psy01/index.htm.

6. Влахов, Ирофей, Православная психотерапия, <http://psylib.org.ua/books/vlaho01/index.htm>

7. Zelitchenko, A. Psychology-XXI Or XXII?.. Distinction, Models, Tasks, Methods. North Charleston, SC: CreateSpace, 2009. - 236 p.

© А.И. Зеличенко, 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

УДК: 15.01.11

ОБРЕТШАЯ СВОЕ ИМЯ. ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ЮБИЛЕЯ

В.А. Мазиллов. Ярославский государственный педагогический университет (Ярославль, Россия), e-mail: v.mazilov@yspu.org

Сегодня мы живем «в зоне» грандиозного юбилея: так получилось, что психология отмечает один из важнейших праздничных дней, а дата оказалась немного «размытой». Я думаю, что это очень хорошо: с конкретной датой легко ошибиться – можно ее пропустить, могут помешать обстоятельства. Если дата «размыта», то празднование приходится именно на подходящий, приличествующий случаю момент. Итак, 500 лет прошло с тех пор, как появился замечательный термин для названия нашей науки «о

возвышенном и удивительном» (как говорил великий Аристотель) – психология. Его сконструировал на латинском языке Марко Марулич, поэт, философ и гуманист. Марко Марулич родился 18 августа 1450 года в Сплите, который тогда принадлежал Венецианской республике (ныне Хорватия). Создатель хорватской литературы, "отец хорватского ренессанса", Марулич – автор многих трудов на латыни, хорватском и итальянском языках. В 10-х годах XVI столетия Марко Марулич пишет трактат «*Psichiologia de ratione animae humanae*», в названии которого впервые используется слово "психология" (на латыни). Как отмечает А.А. Кроник, "труд этот не сохранился, но его название имеется в рукописной библиографии 18 работ Марулича, которую составил его младший друг-современник Франжио Бозичевич-Наталич. В библиографии Марулича труд "*Psichiologia de ratione animae humanae*" упоминается между названиями двух других рукописей: "*On the Kings of Dalmatia*" (1510 год) и "*Davidias*" (1506-1517 ? годы). Эти даты указаны на сайте: http://www.knjizevni-krug.hr/marulium/mm_index.asp. Если всё это так, то "наш труд" был создан, вероятнее всего, между 1510 и 1517 годами, но, не исключено, что между 1506 и 1517. Юбилейные именины либо "скоро" грядут, либо "сейчас" отмечаются, либо "недавно" были: 500 лет нынешнему имени нашей науки (у нее, конечно, и другие имена были и, возможно, другие будут, но сегодня это "наука о душе""[1].

По большому счету, это замечательный повод оценить большой пройденный путь, высказать суждения о том, верно ли выбран путь. Сегодня, в начале второго десятилетия XXI века мы можем констатировать, что психология, несомненно, приобрела статус самостоятельной научной дисциплины, хотя реально ведущего центрального положения среди других наук пока еще не получила. Приходится констатировать, что прогнозы и надежды в целом не оправдались: статус психологии вовсе не так высок, а влияние на другие дисциплины не так сильно, как это следует из определения психологии как науки, имеющей особое положение среди других.

Одна из причин этого, на наш взгляд, состоит в том, что психология недостаточное внимание уделяет развитию своей философской методологии. Речь идет о философии психологии как части психологического знания. Термину «философия психологии» и в мировой психологии и, особенно, в психологии отечественной «повезло» значительно меньше, чем другим, относящимся к иным сферам знания: философии химии, философии биологии и т.п. Очевидно, существовали определенные причины, препятствующие оформлению философии психологии в самостоятельную отрасль возникающей психологической науки. Причины такого положения вещей достаточно очевидны: выделение психологии из философии происходило значительно позднее, чем в случае других научных дисциплин, а отделение «родственной» философии дисциплины, каковой, без сомнения, была психология, оказалось значительно более драматичным, чем предполагалось (подробно о философии психологии как ветви психологического знания см. в [4]).

Констатируем лишь, что даже во времена перестройки и более поздние, когда произошло смягчение идеологических требований, оказалось, что работ по философии психологии так и не появилось. Также подчеркнем, что возможность открыто заниматься философией психологии (как частью психологии) психологов не заинтересовала. Призывы к разработке философии психологии услышаны не были.

В новом веке ситуация изменилась. Философией психологии стали интересоваться философы, так как аспирантам начали читать курс "философия и история науки". В случае психологов, соответственно "философия и история психологии". Но собственно до философии психологии дело не дошло, поскольку был найден компромисс: весь курс для психологов разделили на три блока – философия науки, философия социально-гуманитарных наук, история психологии. Таким образом, психологи снова "устранились" от разработки философии психологии. В итоге, по-прежнему философия психологии представлена как философия психологии "сверху" (от философии).

Нам уже приходилось писать о необходимости разработки

философии психологии. Прошедшие с тех пор годы заставили нас убедиться, что разработка философии психологии как составляющей психологии по-прежнему необходима. В заключение настоящей статьи сформулируем некоторые положения, касающиеся философии психологии в современных условиях развития отечественной психологии. Обратим внимание на важность, с нашей точки зрения, определения соотношения между философией психологии и методологией психологии. Предпримем такую попытку.

Представляется, что когнитивная методология, отвечающая задачам сегодняшнего дня, должна иметь уровневое строение. Это уровневое строение должно отражать не только разнородность самого психологического содержания, но и принципиально различающиеся способы и методы работы на разных уровнях. Вообще, полезно помнить, что психология еще очень молодая наука, многое в ней не устоялось, поэтому, возможно, нас ожидают в самом скором будущем удивительные метаморфозы образа любимой науки. Не подлежит сомнению, что эти перемены будут, поэтому мы полагаем, что необходимо ставить задачу прогнозирования этих перемен. По нашему убеждению, решать эти вопросы должна философия психологии (или философская составляющая когнитивной методологии).

В когнитивной методологии можно выделить, по крайней мере, три уровня: философия психологии, собственно когнитивная предметная методология, методология психологического исследования. Подчеркнем, что разные уровни не только связаны с различным содержанием, но и характеризуются различными средствами их разработки. Отметим, что философский уровень в настоящее время проработан в меньшей степени, чем два других.

Чтобы избежать недоразумений, скажем, что в данной статье речь идет только о когнитивной методологии. Других разделов методологии психологии – коммуникативной, методологии психологической практики, социальной методологии (А.В. Юревич) – мы в настоящей статье не касаемся.

Верхний уровень – философия психологии. Нам уже

приходилось писать о важности философской психологии для разработки методологических вопросов психологии [4]. Дадим самую общую характеристику философии психологии как уровню когнитивной методологии.

1. Этот уровень имеет дело с идеями. Используя терминологию К. Поппера, можно сказать, что философия психологии имеет дело с «третьим миром».

2. Это основная зона ближайшего развития и психологии, и ее методологии.

3. Вписывает психическое в научную картину мира.

4. Философия психологии вырабатывает понимание предмета.

5. Конструирует предметное пространство психологии.

6. Определяет ориентиры и магистральные задачи.

7. Обнаруживает перспективы для междисциплинарных исследований.

8. Обеспечивает единство психологии.

9. Обеспечивает интеграцию различных потоков психологического знания. В данном пункте требуются хотя бы минимальные пояснения. Дадим их. Речь, в частности, о том, что кроме «академической», научной психологии существуют другие потоки психологического знания в культуре. Это и трансперсональная психология, и гуманистическая, и различные варианты практической психологии и психопрактики. И литература, и искусство, которые тоже, по-своему, раскрывают психическую жизнь человека.

10. Философия психологии производит учет и интеграцию всего психологического знания (во всяком случае, на уровне идей).

11. Философия психологии является основным фактором, определяющим стратегию историко-психологические исследования. Тезис также нуждается в пояснении. Автор, описывая какое-то историческое событие, в качестве позиции для выбора оценки реально использует позицию "из будущего" (не из сегодняшнего дня). Именно поэтому категория философии психологии так важна для истории психологии.

12. И, последнее, может быть, самое важное. Философия психологии, как мы ее представили в настоящем тексте, существует реально, только, к сожалению, в силу разных причин, к настоящему времени недостаточно разработана. И особенно удивительным выглядит то, что в психологии совершенно не исследованы представления о философии психологии реальных психологов-исследователей, делающих науку сегодня. Вряд ли стоит разьяснить, что от этих представлений (в разной степени осознанных и отрефлексированных) в значительной степени зависит эффективность собственных научно-психологических исследований. Предполагаем осуществление цикла эмпирических исследований содержания и структуры философии психологии как раздела психологии. Как можно полагать, разработка философии психологии как раздела психологии, а не философии науки, будет способствовать дальнейшему развитию психологической науки. Обратим внимание на то, что такая разработка существенно увеличит прогностические возможности в определении перспектив развития науки.

Литература:

1. Кроник, А.А. 500 лет названию психологии - <http://services1.ht-line.ru/infolane/index.php?act=board&topic=1366500222X6615&extresp=1>)

2. Мазилев, В.А. О предмете психологии // Методология и история психологии: Научный журнал. Т.1. Вып. 1, 2006, с.55-72

3. Мазилев, В.А. Актуальные методологические проблемы современной психологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 2. С. 149-155.

4. Мазилев, В.А. О философии психологии как ветви психологического знания // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: Материалы 6-ой Международной научно-практической конференции, 19-21 ноября 2013 / Под ред проф. Поваренкова Ю.П. Ярославль: изд-во "Канцлер", 2013, с. 75-79.

© В.А. Мазилев, 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

УДК: 159.9(091)

У ИСТОКОВ ПСИХОЛОГИИ⁵

А.А. Кроник

Психологи ныне всматриваются в будущее, стремясь увидеть и, наметить контуры «психологии третьего тысячелетия». Те, кто надеется ее создавать, обращение к прошлому своей науки нередко считают «условностью хорошего тона», без которой можно, пожалуй, обойтись – «короткая история», услышанная на студенческой скамье, явно пасует перед грандиозностью замыслов, а «огромная предыстория» известна, увы, больше философам, историкам культуры, литературоведам, чем «психологам по диплому». Даже при желании узнать эту предысторию трудно: книг – много, учебника – нет, а из 20-30 страниц по истории древней и средневековой психологии в имеющихся учебных пособиях запоминается лишь то, что она «донаучна» – не место ей, следовательно, в современной и тем более в будущей науке.

Но вдруг – специально для студентов, аспирантов и исследователей-психологов – появляется «История психологии древнего мира и средних веков» [1]. Выход ее неожиданен (уже тем, что она – первая), хотя автор – преподаватель Киевского университета В.В. Роменец – знаком читателю. Его предыдущее учебное пособие [2] раскрывало в основном психологию XIX–XX вв., новая работа – многовековой период формирования психологической мысли вплоть до XIV в. С первых страниц чувствуется высокое уважение автора к достижениям этой мысли, мудрое звучание которой сегодня даже редко слышат. «История психологии, – формулирует автор свое кредо, – дисциплина,

⁵ © Кроник А.А. У истоков психологии // Психологический журнал, 1986, том 7, N 4, с. 150-152. Перевод на английский: Kronik A.A. Tracing the Roots of Psychology // The Soviet Journal of Psychology: A cover-to-cover translation of Psikhologicheskii Zhurnal, 1987, Vol. 7, N 4, pp. 693-695.

которую можно полноценно раскрыть, связав ее с историей культуры в целом на основе проблемы человека» [1, с. 6].

Единство психологии и культуры – первый основополагающий принцип историко-психологической концепции В.А. Роменца. Эта идея позволяет автору находить добротный материал в самых разных пластах культуры – в философии и истории, в мифологии и религии, в художественной литературе и живописи, в науке и искусстве в целом. Блестящий образец такой работы – психологический анализ автором старинной легенды о Тарквинии и Лукреции, в котором использованы десятки философских, литературных, живописных и музыкальных произведений от античности до XX в. [1, с. 18–40].

Второй фундаментальный принцип авторской концепции – единство истории психологии и логики человеческого поступка. Поступок, с точки зрения Роменца, ключевая психологическая категория, которая позволяет понять историю и пути развития психологии. Три обязательных компонента поступка – ситуационный, мотивационный, действенный – задают соответствующие позиции его психологического анализа. В начальный период истории культуры акцент ставился на анализе роли ситуации в определении поступка, затем (в эпоху Возрождения и Новое время) – на его мотивационных детерминантах, а в XIX–XX вв. – на рассмотрении самих действий. «Смещение этих акцентов составляет в самых существенных чертах содержание истории психологии: оно является переходом к новой позиции видения, с которой поле данной дисциплины открывает свое возрастающее богатство» [1, с. 18].

Исследователям психологии творчества интересно было бы знать, как родилась у их коллеги [3] столь ясная и вместе с тем оригинальная историко-психологическая концепция. Что было первым: анализ легенды, в котором обнаружили ступени движения психологических интерпретаций, или сами эти ступени (ситуация, мотивация, действие), возвращенные из современной психологии в ее историю? При любом ответе встреча идей оказалась плодотворной – в психологии обрели свое почти

утраченное место Цицерон и Овидий, Августин и Лоренцо

Валла, Шекспир и Рубенс, Пушкин и Франко, а вместе с ними вся человеческая культура с ее выдающимися именами и безымянными памятниками.

Кроме Легенды и Поступка в этой встрече участвует еще одно действующее лицо – Диалектика. Благодаря мастерскому владению ее законами в книге удастся показать живое биение психологической мысли в противоречиях ситуационного, мотивационного и действенного подходов к пониманию природы поступка. Автор как бы раскручивает спираль исторического развития психологии, каждый виток которой соответствует определенной форме поступка.

Начало этой спирали – мифологическая и народная психология, которые ставят акцент на анализе роли ситуации в поступке, объявляют ее абсолютно значимой для человека. Ситуация всеобщих значимостей последовательно отражается в фаталистических, магических, табуистических представлениях и, наконец, превращается в ситуацию конфликтных противопоставлений человека миру. Именно ситуация конфликтов рождает представление о душе и приводит к возникновению философской психологии. Древнекитайские учения о традиции и поступке-ритуале, древнеиндийские воззрения на страдание и нирвану, античные идеи о соотношении микро- и макрокосмоса обозначают основные вехи психологического анализа ситуации конфликта в древнем мире.

В средние века внешние противопоставления бытия – небытию, жизни – смерти, бога – человеку осмысливаются как внутренние противоречия самой человеческой души. С этого момента ситуация человеческою поступка из конфликтной превращается в коллизийную, которая не только оставляет человека беспомощным в решении жизненных противоречий, но обрекает его на глубокие переживания в непримиримой борьбе добра и зла, греха и святости в собственной душе. Средневековые взгляды на коллизийность поступка даже для многих специалистов – «белое пятно» в истории психологии. Поэтому воздадим должное

автору книги, сумевшему сделать историко-психологическое открытие патристической психологии и детально описать схоластическую.

Движение психологической мысли от анализа ситуации значимостей (раздел 1) к ситуации конфликтов (раздел 2) и коллизий (раздел 3) составляет основное содержание «Истории психологии древнего мира и средних веков». Останавливаться на нем подробнее равносильно пересказу книги. Лучше ее перечитать, не дожидаясь обещанного автором следующего тома – «Психология Возрождения и Просвещения». В своей историко-психологической концепции, изложенной в обширном (на 70-ти страницах) введении к работе, В.А. Роменец достаточно зримо выделяет наиболее существенные черты психологии XI–XVIII вв. Здесь в центре внимания уже не ситуация поступка, а его мотивация, борьба мотивов и принятие решения. Мотивационные детерминанты поступка раскрываются в образах Фауста, Дон-Кихота, в психологии титанизма, в гамлетовском «быть или не быть», в эмотивистской, монадологической, интеллектуалистической и волюнтаристической психологиях.

Очередной виток спирали – становление в XIX–XX вв. научной психологии, которая через принципы адаптации и творчества восходит к личности. Акцент на исследовании творческой личности знаменует, согласно Роменцу, последний этап психологического познания механизмов и структуры поступка в его собственных границах. Перед психологией открываются теперь новые рубежи с центральной идеей «жизненного пути личности» – «перманентного развития поступков, когда завершение одного ставит человека в определенные противоречия с миром, которые и преодолеваются в поступке следующем» [1, с. 87].

Хотя идея жизненного пути «стара как мир», ведущей тенденцией, считает автор, она становится лишь в XX в., а доминантой психологического мышления ей еще предстоит стать. В современной и будущей «психологии жизненного пути» сняты (в диалектическом смысле) достижения всей ее истории: «сам жизненный путь определяется уровнями развертывания

ситуативных отношений — включения человека в водоворот жизни, уровнями развертывания мотивационных отношений, где одной из наиглавнейших проблем выступает именно в ы б о р жизненного пути из бесконечного числа ситуативных привязанностей, и, наконец, уровнями *действенной реализации* этого выбора» [1, с. 87].

Таковы в общих чертах этапы исторического развития психологии согласно разрабатываемой в книге концепции. Пора дать ей имя: «принцип поступка» — кратким термином ограничивается сам автор, «психология поступка в истории культуры» — более полное, на наш взгляд, ее наименование.

Взгляд автора на истоки психологии далеко не бесспорен. Ее историки чаще подчеркивают влияние естественных наук на эволюцию собственно психологических идей. На наш взгляд, нужно спорить о формах соотношения культурно-исторических и естественнонаучных детерминант, наладить плодотворный «диалог» между приверженцами обеих точек зрения. Это позволило бы активизировать историко-психологические исследования, глубже понять закономерности и механизмы развития психологических идей. В частности, предметом дискуссии могла бы стать *история психолого-биографических исследований творческой личности*, которые определяют «зону ближайшего развития» мировой психологической науки.

«История психологии древнего мира и средних веков» издана на украинском языке. Нет сомнения, что русское переиздание этой ценной книги, сделав ее доступной более широкому кругу читателей, будет способствовать более глубокому пониманию истоков и перспектив развития психологии.

Литература:

1. Роменець, В. А. Історія психології стародавнього світу і середніх віків. Київ: Вища школа, 1983. 415 с.
2. Роменець, В. А. Історія психології. Київ: Вища школа, 1978. 440 с.
3. Перу, В. А. Роменца принадлежат несколько книг по психологии творчества. См., напр.: Роменец, В. А. Психологія

творчості. Київ: Вища школа, 1971. 247 с.

© А.А. Кроник, 1986, 2013.

© Психологический журнал, 1986.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

или ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА

История науки – это не совсем «топовая» тематика в современных научных исследованиях. Всецело это относится и к истории психологии. Тем неожиданнее и приятнее было обнаружить, что возникшая в процессе обсуждения на блогосфере Экспертного сообщества психологов идея проведения международной конференции нашла отклик не только среди маститых ученых, но и у молодых исследователей. Может быть, когда-нибудь в календаре психологической цивилизации точкой отсчета станет год сотворения слова «**psychology**», к чему и мы с вами оказались причастны.

В процессе подготовки и проведения конференции обозначились и уточнились те разделы проблемы истории психологии, которые представлены в данном номере: «*К истории понятий*», «*К истории проблем*», «*К истории методов*», «*Психология на распутье: конструктивизм, теология, философия науки*».

В целом же, остается ощущение недосказанности, чувство неполноты состоявшегося обсуждения. Не исключено, что у коллег-психологов не было времени обдумать более глубоко тему заявленной конференции. В этой связи есть предложение продолжить обсуждение в конце этого 2014 года.

Т.е. конференция "500 лет..." длиною в год.

А.А.Кроник, Л.Ф.Чупров

Авторы

Батыршина Альфия Робертовна - кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин Набережночелнинского государственного торгово-технологического института (*Набережные Челны, Россия*).

Белобрыкина Ольга Альфонсовна - кандидат психологических наук, доцент, ФБГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет, кафедра общей психологии и истории психологии (*Новосибирск, Россия*).

Вержибок Галина Владиславовна - кандидат психологических наук. Доцент кафедры психологии, ГУО «Минский государственный лингвистический университет» (МГЛУ), Минск (*Беларусь*).

Головаха Евгений Иванович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, зам. директора Института социологии НАН Украины (Киев, Украина).

Данилов Юрий Сергеевич - студент 3 курса, направление «Психолого-педагогическое образование», профиль «Психология образования», факультет Психологии, ФБГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» (*Новосибирск, Россия*).

Зеличенко Александр Исаакович — кандидат физико-математических наук, психолог, философ, культуролог, историк и теолог, интернет-проект «Русский Свет», включающий интернет-журнал «Русская правда», Институт высшей психологии.

Кроник Александр Александрович - сопредседатель конференции, доктор психологических наук, научный директор Института каузометрии LifeLook (www.LifeLook.Net), профессор (Howard University), сопредседатель Международной Ассоциации Каузометристов (www.ht-line.ru/mak), клинический психолог (*Бефесда, США*).

Мазилев Владимир Александрович - доктор

психологических наук, Зав. каф. общей и социальной психологии. Ярославский государственный педагогический университет (Ярославль, Россия).

Насиновская Елена Евгеньевна - кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Родина Наталья Владимировна – доктор психологических наук, доцент кафедры социальной и прикладной психологии Одесского национального университета имени И.И. Мечникова (Одесса, Украина).

Рыбалка Валентин Васильевич - доктор психологических наук, профессор. Главный научный сотрудник отдела педагогической психологии и психологии труда. Институт педагогического образования и образования взрослых Национальной академии педагогических наук Украины (Киев, Украина).

Сабанин Павел Валерьевич - аспирант кафедры социальной психологии Института психологии социологии и социальных отношений (ИПССО) Московского городского педагогического университета (ГБОУ ВПО МГПУ), Москва (Россия).

Сильченко Ирина Владимировна - кандидат психологических наук, доцент. Доцент кафедры психологии УО «Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины» (Гомель, Беларусь).

Стояхина Наталья Юрьевна - кандидат психологических наук, доцент. Кафедра психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород).

Тукачев Юрий Александрович - руководитель, психолог-профконсультант. Психологический центр «Точка роста» www.tr-center.ru (Екатеринбург, Россия).

Чагова Марина Аслановна - студентка магистратуры. ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» (Черкесск, Россия).

Чупров Леонид Федорович - сопредседатель конференции, кандидат психологических наук, профессор Российской Академии

Естествознания (РАЕ, Москва), член Европейской Академии Естествознания (EuАНН, London), действительный член и главный ученый секретарь МАН (Украина, Киев), главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Черногорск, Россия).

Шмелев Александр Георгиевич – доктор психологических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, научный руководитель Лаборатории «Гуманитарные технологии» (Москва, Россия).

AUTHORS

Alfiya R. Batyrshina, Ph.D. in pedagogics, an assistant professor at Naberezhnye Chelny State Trading Institute of Technology (*Naberezhnye Chelny, Russia*).

Olga A. Belobrykina, Ph.D. in psychology, an assistant professor at Novosibirsk State Pedagogical University (*Novosibirsk, Russia*).

Marina A. Chagova, mastery student of Pyatigorsk State Linguistic University (*Cherkessk, Russia*).

Leonid F. Chuprov, co-chair of the conference, Ph.D. in psychology, a professor at the Russian Academy of Natural History (RANH, Moscow), member of the European Academy of Natural History (EuANH, London), editor-in-chief of the journal 'The Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia' (*Chernogorsk, Russia*).

Yuri S. Danilov, a student at the Department of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (*Novosibirsk, Russia*).

Evgeny I. Golovakha, Ph.D. and Sc.D. in philosophy, deputy director of the Institute of Sociology, Ukrainian National Academy of Sciences (*Kiev, Ukraine*).

Aleksandr A. Kronik, co-chair of the conference, PhD and ScD in psychology, an adjunct professor at Howard University, director of the Institute of Causometry LifeLook.Net (www.lifelook.net), co-chair of the International Association of Causometrists (www.ht-line.ru/mak), a licensed clinical psychologist (*Bethesda, USA*).

Vladimir A. Mazilov, ScD in psychology, chair of general and social psychology, Yaroslavl State Pedagogical University (*Yaroslavl, Russia*).

Elena E. Nasinovsky, PhD in psychology, an associate professor at the Lomonosov Moscow State University (*Moscow, Russia*).

Nataliya V. Rodina, ScD in psychology, an assistant professor and chair of social and applied psychology at the Mechnikov Odessa National University (*Odessa, Ukraine*).

Valentine V. Rybalka, ScD in psychology, a professor, main research scientist at the Institute of Pedagogical Education and

Education of Adults, Ukrainian National Academy of Pedagogical Sciences (*Kiev, Ukraine*).

Pavel V. Sabanin, PhD student at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations, Moscow City Pedagogical University (*Moscow, Russia*).

Alexander G. Shmelyov, PhD and ScD in psychology, an emeritus professor at the Lomonosov Moscow State University, scientific director of the Laboratory 'Human Technologies' (*Moscow, Russia*).

Irina V. Silchenko, PhD in psychology, an assistant professor at the Francisk Skorina Gomel State University (*Gomel, Belarus*).

Natalia Yu. Stoyukhina, PhD in psychology, an assistant professor at the Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University (*Nizhniy Novgorod, Russia*).

Yury A. Tukachev, ABD, director of the Psychological Center 'Point of Growth' (www.tr-center.ru), vocational psychologist/consultant (*Ekaterinburg, Russia*).

Galina V. Verzhbok, PhD in psychology, an assistant professor at the Minsk State Linguistic University (*Minsk, Belarus*).

Alexander I. Zelichenko, PhD in physics and mathematics, Institute of Higher Psychology.

— ● —

ABSTRACTS

Historical aspects of the problem of awareness and experience of intra-group relationships in the domestic psychology (by I.V. Silchenko)

Abstract. Problem of awareness of interpersonal relationships in small groups discussed together with a history of the related sociometric research in the former USSR and prospects for the research on awareness and experiencing of intra-group relationships.

Keywords: interpersonal relations, awareness, comprehension, experience, social-psychological reflexion and perception, perceptual phenomenons.

History and modern development of a problem of tolerance to uncertainty in psychological science (by M.A.Chagova)

Abstract. A brief review of the development of the issue of tolerance to uncertainty is presented. Despite its brief history, research into this phenomenon widened perspectives for different applications. Not all of the research questions have been answered, particularly how the tolerance to uncertainty relates to the issue of personal psychological safety in different activities.

Keywords: tolerance to uncertainty, intolerance, psychological safety, agent/subject, intense professional work.

The Wartegg Drawing Test. A history of its creation and development (by N.V. Rodina)

Abstract. The projective Wartegg Drawing Completion Test (WDCT) is one of the most popular techniques in Latin America, Northern Europe, Italy and German-speaking countries but little-known in the countries of the former Soviet Union. The data of Russian and Ukrainian psychologists specializing in WDCT are cited in this article. Prospects of development of the given method in the future are outlined.

Keywords: Wartegg Drawing Completion Test, archetypes, Russian psychology, Ukrainian psychology, development prospects.

The standardized technique (test) of E.F. Zambatsjavichene: 30 years (by P. V. Sabanin and L.F. Chuprov)

Abstract. This article describes the origin of Zambatsjavichene Test of Intellectual Development adapted for Lithuanian children, its approbations and adaptation for Russian-speaking children and the construction of independent “Verbal subtests”. Misuse and not-correct distribution of Zambatsjavichene Test and Verbal Subtests are analyzed.

Keywords: psychodiagnostics, younger schoolboys, standardized techniques, test, verbal subtests, wrong assessment tools.

Methods for research on the efficiency of the influence of advertisements and posters in the Soviet psychotechnics (by N.Yu. Stoyukhina)

Abstract. This article describes the work and research of Soviet psychotechnics in 1920-1930s. D.I. Reytynbarg, GA Rothstein, and F.N. Baranowski contributed greatly to studies of the impact of advertising and posters.

Keywords: Soviet psychotechnics, psychology of influence, poster, advertising, safety poster, deterrent poster, not-deterrent poster, research methods.

Psychotheology: A not-classic interpretation of biblical texts (by A.I. Zelichenko)

Abstract. Psychology and theology connect little with each other. Of course, all religious psychologists and all “psychologists of religion” feel the abnormality of this situation, but the gap between psychology and theology does not become smaller. An attempt to discuss their interconnection is made in the feature article.

Keywords: psychotheology, christianity, gospel.

TABLE OF CONTENTS

<i>Kronik A.A., Chuprov L.F. Respected readers and dear colleagues</i>	8
--	---

To the History of Concepts

<i>Kronik A.A. 500 years of the name... Psychology: Thoughts apropos and mini-survey</i>	9
<i>Nasinovskaya E.A., Shmelyov A.G., Chuprov L.F., Kronik A.A., Tukachev Y.A. Fragments of the discussion on the report by A.A. Kronik at the Expert Internet Community of Psychologists</i>	13
<i>Rybalko V.V. On the clarification of the meaning of the concept 'psychology'</i>	18

To the History of Problems

<i>Batyrrshina A.R. Periodization of the history of domestic psychology of will: principles and criteria of its construction</i>	22
<i>Verzhibok G.V. The legacy of I.S. Kon: Differentiation and varieties of gender relations</i>	27
<i>Danilov Y.S., Belobrykina O.A. The essence of a psychological mechanism of motivation by V.G. Leontiev</i>	33
<i>Silchenko I.V. Historical aspects of the problem of awareness and experience of intra-group relationships in the domestic psychology</i> ..	39
<i>Chagova M.A. History and modern development of a problem of tolerance to uncertainty in psychological science</i>	45

To the History of Methods

<i>Rodina N.V. The Wartegg Drawing Test. A history of its creation and development</i>	56
<i>Sabanin P.V., Chuprov L.F. The standardized technique (test) of E.F. Zambatsjavichene: 30 years</i>	64

Stojuhina N.JU. Methods for research on the efficiency of the influence of advertisements and posters in the Soviet psychotechnics.....72

***Psychology at the Crossroads:
Constructivism, Theology, and Philosophy of
Science***

Golovakha E.I., Kronik A.A. The theory of psychological time and principles of constructive psychology (from introspective reconstruction to construction of knowledge).....86

Zelichenko A.I. Psychotheology: A not-classic interpretation of biblical texts.....90

Mazilov V.A. The one who found its name. Prospects of psychology. Reflections during the anniversary.....111

Scientific Archive

Kronik A.A. Tracing the Roots of Psychology (1986, 1987)117

CONCLUSION or CONVERSATION CONTINUES.....123

500 Years of Using the Concept of 'Psychology' in Literature, Art, Science and Practice (upon the fact of the first mention of this word in the bibliography of works of Marko Marulic). Proceedings of the International Scientific Extramural Conference in Chernogorsk (Russia), 12 January 2014 / A.A. Kronik & L.F. Chuprov (Eds.) // *The Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia*. The appendix: «PEM: Psychology. Educology. Medicine». - 2014. - № 1. – 134 p.

This volume is compiled by *The Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia* and the *Institute of Causometry LifeLook.Net*. It presents the materials of the scientific conference dedicated to 500 years of using the concept of 'psychology' in literature, art, science and practice (upon the fact of the first mention of this word in the bibliography of works of Marko Marulic). The first time anniversary conference on the name of 'psychology' attracted different researchers from Russia, Belarus, Ukraine and the USA, whose papers are presented in this collection.

Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири.
Электронный научный журнал с порталом международных
научно-практических конференций: "**PEM: Psychology.**
Educology. Medicine" Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 56160 от 15.11.2013.

– ● –

Электронный научный журнал
PEM: Psychology. Educology. Medicine
№ 1. sr. – 2014.

– ● –

Материалы международных научных конференций

Ответственный за выпуск *А.С. Щукин.*

© Выпускающие редакторы А.А. Кроник, Л.Ф. Чупров, 2013.

Объем: а.л. 4,9. Формат А5 (140 x 205 мм).

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири,
(дизайн внутри текста) 2013.

ISSN 2303-9744

Библиографическая ссылка:

Кроник А.А., Чупров Л.Ф. (соредакторы). 500 лет использования понятия «Психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic): материалы Международной (заочной) научной конференции (Черногорск, 12 января 2014 года) // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2014. – № 1. sr.;
URL: pem.esrae.ru/2-4 (дата обращения: 12.01.2014).